

# ЗВОНКИ ПО ПУСТЫМ АДРЕСАМ

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

# **Звонки по пустым адресам**

«Автор»

2026

**Орлов Д.**

Звонки по пустым адресам / Д. Орлов — «Автор», 2026

Риелтор Илья Ракитин принимает ночной звонок из квартиры, которая по документам пуста. На месте горит свет и ещё тёплый чайник, но жильцов нет, а утром исчезают и запись вызова, и отметка о выданном ключе. Вскоре такие же звонки приводят к новым адресам, а собственники получают предложения срочно продать жильё. Начальница диспетчерской Татьяна знает содержание стёртых разговоров и напоминает Илье о тайне, способной лишить его опеки над двенадцатилетним племянником. Чем ближе Илья подбирается к схеме с запасными ключами, тем убедительнее выглядит версия, что он сам путает события и создаёт угрозу ребёнку. Чтобы остановить чужие сделки, ему придётся первым признать собственную ложь — и в решающий момент выбрать безопасность Кирилла вместо единственной записи, которая могла бы оправдать его сразу. «Звонки по пустым адресам» — психологический триллер о ненадёжной памяти, цене срочности и доказательствах, которые начинаются там, где человек перестаёт выдавать догадку за увиденное.

© Орлов Д., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| От автора                         | 5  |
| Глава 1. Дежурный риелтор         | 6  |
| Глава 2. Свет на девятом          | 13 |
| Глава 3. Корешок без подписи      | 22 |
| Глава 4. Хозяйка существует       | 29 |
| Глава 5. Домашняя ночь            | 37 |
| Глава 6. Второй пустой адрес      | 46 |
| Глава 7. Начальница помнит        | 52 |
| Глава 8. Ключи под пломбой        | 60 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 62 |

# **Даниил Орлов**

## **Звонки по пустым адресам**

### **От автора**

Ночной звонок требует быстрого ответа. Пока человек объясняет адрес, воду уже несёт по лестнице, дым заполняет коридор, а чужая квартира кажется единственным безопасным местом. В такой спешке легко принять голос за личность, карточку на экране — за событие, а пустую комнату — за доказательство того, что в ней никто не живёт.

Этот роман — о срочности, которой удобно прикрывать чужую власть. Его герою придётся научиться простой и трудной вещи: помощь ребёнку или взрослому человеку нельзя откладывать ради идеального доказательства, но и добрый порыв не даёт права подписывать за другого то, чего ты не видел.

Все персонажи и события вымышлены. Устройство службы создано для сюжета и не описывает конкретную организацию.

## Глава 1. Дежурный риелтор

В половине десятого вечера в шкафу не хватало одного ключа.

Илья Ракитин заметил это раньше, чем снял куртку. Дверцы шкафа занимали почти всю стену за стойкой диспетчера: два мутных стекла, металлическая сетка внутри, ряды крючков с белыми бирками. На каждом брелоке — улица, дом, квартира и короткая цветная полоска. Красная означала пожар, синяя — воду, жёлтая — выселение до решения комиссии. Пустой крючок чернел между ключами от улицы Маяковского, словно выбитый зуб.

— Сто сорок два где? — спросил Илья.

Сменщик уже застегнул пуховик и теперь делал вид, будто ищет перчатки. На стойке перед ним остывал чай в бумажном стаканчике. Монитор показывал карту города с тремя зелёными отметками: жильцы после прорыва стояка были расселены, заявки закрыты.

— На возврате, наверное.

— У кого?

— У дневных. В ведомости посмотри.

Илья открыл толстую тетрадь с прошитым корешком. Ночной риелтор назывался в штатном расписании специалистом по временному жилому фонду, но работа редко имела отношение к продаже жилья. Если в доме горела проводка, лопалась труба или комиссия признавала потолок опасным, диспетчер находил свободную муниципальную квартиру, а Илья вёз туда людей, показывал, где вода, где щиток и почему нельзя менять замок. Потом собирал подписи, ключи и жалобы. Ночью он был одновременно шофёром, кладовщиком и человеком, которому кричали, что на раскладушке невозможно спать.

Ведомость за день заканчивалась записью о квартире сто сорок один. Ниже шла ровная черта, под ней стояла подпись сменщика.

— Тут нет.

— Значит, Татьяна забрала. Она днём ревизию делала.

— Какую ревизию?

Сменщик нашёл перчатки в кармане, хотя до этого дважды его похлопал.

— Обычную. Илья, позвони ей, если важно. Я после трёх суток не соображаю.

Он потянулся к листу приёма смены. Илья накрыл лист ладонью.

— Пока ключ не найдём, я шкаф не принимаю.

— Тогда сиди до утра без подписи.

— Посижу.

Сменщик посмотрел на часы над дверью. Часы отставали на четыре минуты, и все в диспетчерской об этом знали. Иногда разница помогала закрыть заявку нужной датой, иногда мешала доказать, кто опоздал. Илья однажды принёс стремянку, снял часы и переставил стрелки, но через неделю они снова отстали на те же четыре минуты.

— Сто сорок два в сейфе у Власовой, — сказал сменщик. — В квартире просохло после протечки, завтра собственнице возвращают доступ. Довольный?

— Откуда знаешь, если не соображаешь?

— Потому что она мне сказала. Звони ей сам. Я ушёл.

Он выдернул лист из-под Ильиной руки, не порвав, бросил на стойку ручку и толкнул дверь плечом. С улицы ворвался мокрый ветер. Автоматический доводчик протянул низкий стон, затем дверь захлопнулась. За стеклом мелькнула тёмная фигура, пересекла освещённый прямоугольник и пропала.

Илья остался один.

Диспетчерская помещалась на первом этаже бывшей прачечной. От прачечной сохранились кафельные стены, широкий слив в полу и запах сырости, который не выводили ни краска,

ни кофе. В передней комнате стояли два рабочих стола, стойка для посетителей и шкаф с ключами. За перегородкой находились крошечная кухня и комната операторов городской аварийной линии. Ночью там дежурила одна женщина, сегодня — Лена Шарыпова. Она подняла руку из-за стекла, показывая, что видела передачу смены, и снова надела гарнитуру.

Илья набрал Татьяну Власову.

Начальница ночной службы ответила после пятого гудка. На фоне работал телевизор, кто-то говорил про снег на трассах.

— Что случилось?

— Ключ сто сорок два у вас?

— Добрый вечер, Илья.

— Добрый. Сменщик сказал, у вас.

— Если сказал, зачем звонишь?

Он посмотрел на пустой крючок. Бирки по соседству едва заметно качались после хлопка двери.

— В ведомости выдачи нет.

— Потому что я не выдавала ключ, а переложила в сейф. Завтра объект возвращается собственнице. В восемь приеду, оформим.

— Тогда нужна запись о перемещении.

— Сделай карандашом пометку, если тревожно. Только не превращай передачу смены в следствие. У тебя сегодня два свободных объекта, один экипаж и ни одного ожидаемого переселения. Спокойная ночь.

Татьяна умела произнести «спокойная ночь» так, будто это не пожелание, а распоряжение. Двенадцать лет назад она учила Илью принимать квартиры у подрядчиков: сначала вода, потом электричество, потом окно, а уже после — обои и жалобы. Если перепутать порядок, говорила она, красивый акт утонет вместе с подписью. Илья тогда записывал за ней каждое слово. Теперь записи раздражали её чаще, чем ошибки.

— Я отмечу, — сказал он.

— Отметь. И домой утром не опоздай. У тебя же комиссия на неделе.

Татьяна отключилась прежде, чем он успел спросить, откуда она помнит про комиссию. Впрочем, секрета не было: график Илья согласовывали через неё. Во вторник специалист опеки должна была прийти к ним с Кириллом и проверить, как устроился мальчик после больницы матери. Рабочий стол, отдельная кровать, еда в холодильнике — простые вещи, если не думать, что по ним будут решать, останется ли племянник дома.

Илья вписал карандашом на полях ведомости: «142 — сейф Т. В., со слов Т. В., 21:43». Потом расписался в приёме смены, указав рядом отсутствие ключа. Лист лёг под прозрачную пластиковую накладку. Он сфотографировал запись на телефон.

Сообщение от Кирилла пришло сразу после снимка.

**«Ты уже там?»**

**Илья ответил: «Да. Как договорились?»**

Три точки появлялись и исчезали. Наконец пришло: «Зоя Сергеевна принесла пирог. Он с капустой».

Это могло означать всё что угодно — от восторга до обвинения. Илья позвонил по видео. Кирилл ответил не сразу, камера смотрела в потолок, потом в кадре появился его подбородок.

— Покажи кухню.

— Зачем?

— Хочу увидеть пирог.

— Ты хочешь увидеть, что я не сжёл квартиру.

— Одно другому не мешает.

Камера качнулась. На кухонном столе стояла тарелка, накрытая перевернутой миской. Рядом лежал учебник географии, хотя уроки Кирилл обычно делал в комнате. На холодильнике магнитом была прижата бумажка с тремя номерами: Илья, Зоя Сергеевна, аварийная служба. Телефон матери они пока не писали. Оксана звонила сама, когда позволяли врачи.

— Зоя Сергеевна где?

— У себя. Сказала, зайдёт в одиннадцать и утром.

— Дверь закрыл?

Кирилл молча направил камеру на замок.

— Верхний тоже.

— Закрыл.

— Покажи.

— Дядь Илья, мне двенадцать, а не пять.

Год назад ему было одиннадцать. Разница казалась Илье огромной, пока он не оставался ночью в диспетчерской и не видел на экране телефона пустую домашнюю кухню.

— Я знаю. Просто покажи.

Кирилл перевёл камеру выше. Язычок второго замка был повернут.

— Спасибо. В одиннадцать напиши, что Зоя пришла. Если я не отвечу, звони сюда. Номер на холодильнике.

— Ты каждый раз это говоришь.

— Значит, запомнил.

— Мамина врачиха сказала, она завтра сможет дольше говорить.

— Мне тоже написали. Созвонимся втроём.

Кирилл отвёл телефон, будто хотел что-то спросить, но в этот момент за стеклом комнаты операторов поднялась Лена и показала Илье два пальца. Две линии одновременно. На её столе мигали красные лампочки.

— Мне пора, — сказал Илья. — Не открывай никому, кроме Зои Сергеевны. Сначала позвони ей и проверь, что это она.

— Даже если придёшь ты?

— Особенно если приду я раньше утра.

Кирилл хмыкнул и отключился.

Илья несколько секунд смотрел на своё отражение в чёрном экране. Лицо в холодном свете казалось старше, чем утром: складка над переносицей, щетина, которую он пропустил у левого уха. На заставке они с Кириллом стояли у больничного автомата с кофе. Племянник не улыбался, но и не отворачивался.

Из операторской донёсся голос Лены:

— Могу я уточнить адрес? Повторите дом и квартиру.

Она писала на бумажной карточке, прижимая гарнитуру плечом. Компьютерная система иногда зависала, и Татьяна требовала сначала записывать улицу от руки. Илья налил себе воды из кулера. Первый вызов оказался застрявшим лифтом, второй — течью с чердака. Оба ушли другим службам. Зелёные отметки на карте не изменились.

До полуночи он проверил две свободные квартиры. Первая находилась в соседнем крыле прачечной: четыре раскладушки, чайник, запаянный комплект белья. Во второй пахло сигаретами, хотя курить там запретили ещё летом. Илья открыл окно на пять минут, нашёл под раковиной пластиковый стакан с окурками и записал нарушение за дневной сменой. Потом закрыл воду, проверил пломбу на счётчике и вернулся за стойку.

Зоя Сергеевна прислала фотографию Кирилла над учебником. Снимок был сделан из коридора, тайком; мальчик получился сердитым и размытым. Под фотографией Зоя написала: «Всё штатно. Пирог ест».

Илья ответил благодарностью и убрал телефон экраном вниз.

В двенадцать сорок семь в передней комнате зазвонил отдельный аппарат.

Он стоял на краю стойки, старый, серый, с потёртыми цифрами. Через него операторы переводили вызовы, если требовалось подобрать квартиру или выдать ключ. Обычно сначала в стекле появлялось лицо Лены, затем она нажимала кнопку. Сейчас Лена сидела спиной. Обе её руки лежали на столе, одна держала кружку.

Аппарат звонил долго и резко.

Илья снял трубку.

— Служба аварийного переселения, Ракитин. Слушаю.

Сначала в трубке было только дыхание. Не тяжёлое и не испуганное — ровное, близкое, будто человек прикрыл микрофон ладонью.

— Алло. Вас перевели по вопросу временного жилья?

— Вы ключи забрали, — сказала женщина.

Голос был негромкий, взрослый. Слова она произносила осторожно, по одному.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Я домой пришла, а ключ не подходит. Они личинку поменяли.

Илья подтянул к себе чистую карточку вызова.

— Назовите адрес.

Женщина замолчала. Вдалеке у неё трижды пискнул какой-то прибор. Потом она назвала улицу Маяковского, дом восемнадцать, квартиру сорок семь.

Илья записал адрес и почувствовал, как ручка остановилась в пальцах. Дом он знал. Неделию назад там лопнул стояк между девятым и десятым этажами. Жильцов двух квартир разместили у родственников, ещё одной семье дали комнату из фонда. Сорок седьмая принадлежала женщине, которая находилась за городом; вода прошла по стене, но жильё признали пригодным. В карточке объекта стояла отметка: «временно не проживает».

— Как вас зовут?

— Не присылайте полицию.

— Я пока никого не присылаю. Мне нужно понять, кто вы и где находитесь.

— Ключ верните. Больше ничего.

— Вы у двери квартиры сорок семь?

В трубке что-то шуршало, словно женщина переступала по песку или тёрла рукавом стену.

— Они сказали, тут пусто. Если пусто, почему свет горит?

Илья повернулся к операторской. Лена всё ещё сидела спиной, теперь печатала обеими руками. На её панели ни одна лампочка не горела.

— Кто сказал, что пусто?

— Не надо полицию. Они тогда дверь закроют.

— Кто — они?

— Верните ключ.

Связь оборвалась без щелчка. Просто исчезло дыхание, и в трубке появился ровный гудок.

Илья посмотрел на часы: без четырёх час. Записал точное время по телефону — 00:56 — и номер, определившийся на маленьком экране аппарата. Вместо цифр там стояли четыре чёрточки.

Он постучал в стекло. Лена вздрогнула, сняла наушник с одного уха и открыла дверь.

— Ты кого мне перевела?

— Никого.

— Только что женщина звонила по Маяковского, восемнадцать.

— Мне не звонила.

Лена подошла к аппарату и нажала кнопку просмотра. Экран показал последний входящий в 23:18, затем два исходящих служебных звонка. Вызова в 00:56 не было.

— Может, внутренняя линия, — сказала она.

— Откуда?

— Из кабинета Татьяны. Из кухни. Да хоть с твоего второго аппарата, если перекинуть. Я не телефонист.

Илья набрал номер обратно. После третьего гудка механический женский голос сообщил, что номер не существует.

— Что сказала? — спросила Лена.

Он повторил разговор почти дословно. Пока говорил, голос женщины в памяти уже менялся: становился то старше, то моложе, то хриплее. Он перестал быть уверенным, что она сказала «они личинку поменяли», а не «там личинку поменяли». Разница была в одном звуке, но из одного получались виновные, из другого — только испорченный замок.

Лена прочитала карточку.

— Сорок седьмая пустая. Я сама заявку на стояк принимала.

— Временно не проживает — не пустая.

— Я про то, что там сейчас никого быть не должно. Собственница в санатории или у дочери. Там всё просушили.

— Где запасной ключ?

Илья подошёл к шкафу. Крючок с синей биркой «Маяк., 18–47» находился в нижнем ряду. На нём висел ключ в прозрачном пакете. Пломба целая, номер совпадал с ведомостью.

— Вот же, — сказала Лена. — Значит, женщина ошиблась квартирой.

— Адрес назвала без запинки.

— Люди ночью и свой этаж забывают. Позвони участковому.

— Она просила не звонить в полицию.

— Поэтому ты поедешь один?

Вопрос прозвучал с раздражением, но Илья услышал в нём правильное предупреждение. По инструкции он не должен был входить в квартиру без собственника, сотрудника аварийной службы или полиции. Проверить подъезд, дверь, следы воды — мог. Выдать ключ неизвестной женщине — нет.

Он открыл карточку дома в системе. На экране появилась фамилия собственницы: Мартова Лидия Павловна, пятьдесят пять лет. Телефон заканчивался на тридцать восемь. Илья набрал его. Абонент был недоступен.

Следом он позвонил в дежурную часть, представился и сообщил, что неизвестная женщина просит доступ в квартиру после аварии. Дежурный спросил, есть ли угроза жизни, взлом или конфликт у двери. Илья честно ответил, что не знает. Экипаж обещали направить, когда освободится.

— Не раньше утра, — сказала Лена, когда он положил трубку.

— Я только дверь посмотрю.

— Запиши выезд.

Он заполнил строку в журнале: время, адрес, причина, показание одометра. Когда дошёл до ключа, остановился. Запасной висел перед ним за стеклом. Если женщина действительно стояла у двери, сравнить её документы с карточкой собственницы можно было без выдачи ключа. Но если дверь уже открыли, ключ помог бы установить только то, что замок не меняли.

— Пакет не вскрывай, — сказала Лена.

— Без него ехать бессмысленно.

— С ним опаснее. Потом доказывай, что ты не входил.

Илья подумал о пустом крючке сто сорок два. Один отсутствующий ключ он уже принял под свою подпись. Второй собирался взять после звонка, которого не существовало в памяти аппарата.

Он вынул пакет с ключом, не нарушая пломбы, положил на лист ведомости и сфотографировал так, чтобы в кадр попали часы. Затем написал: «Маяковского, 18–47, выезд по обращению, пакет опечатан», поставил время 01:09 и расписался.

— Если Татьяна спросит, ты видела, — сказал он.

— Я видела, что ты сам решил ехать.

— Именно это и скажи.

Лена поджала губы.

— Илья, там пусто. Не в смысле отметки. Там правда никого нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела, как подрядчик сушилki вывозил. Дверь закрыли при мне. Собственница ключ не забирала.

— Когда?

— Позавчера. Днём.

— А сегодня кто-нибудь ездил?

— Не знаю. Посмотри журнал.

В журнале выездов адреса не было. Илья проверил ещё раз, провёл пальцем по строкам. На обратной стороне листа проступили вдавленные буквы от записей предыдущего дня, но Маяковского среди них он не различил.

Он убрал пакет во внутренний карман куртки. Ключ лёг поперёк груди, неудобно и твёрдо. Рабочий телефон закрепил на держателе, личный — рядом, чтобы не пропустить сообщение Кирилла. На улице дождь превратился в мелкую крупу. Служебная машина стояла под фонарём, крыша блестела, на лобовом стекле уже схватывалась тонкая корка.

Прежде чем завести двигатель, Илья позвонил Зое.

— Всё хорошо, — сказала она шёпотом. — Он лёг. Я у себя, дверь напротив. Ты чего?

— Выезд. Может затянуться.

— До утра я никуда не денусь.

— Если кто-то позвонит от моего имени, сначала перезвони мне.

— Кто будет звонить от твоего имени?

— Никто. На работе путаница с линией.

Зоя помолчала.

— Ты опять сам себя пугаешь и меня заодно.

— Возможно.

— Тогда езжай осторожно. Тут гололёд.

Город после часа ночи сжимался до нескольких освещённых перекрёстков. Светофоры переключались для пустых дорог, мокрые провода блестели над трамвайными путями. Илья ехал медленно, слушая, как пакет с ключом шуршит при каждом повороте. На мосту рабочий телефон коротко мигнул: система прислала уведомление о выезде, который он только что внёс. В графе причины значилось «самовольное заселение».

Он точно писал другое.

Илья остановился у обочины, включил аварийку и открыл карточку. Причина снова была указана правильно: «проверка обращения о доступе». Возможно, уведомление подтянуло старый шаблон. Он сделал снимок экрана, но на снимке уже отображалась правильная строка.

До Маяковского оставалось шесть минут.

Дом восемнадцать стоял торцом к дороге. Десятиэтажная панельная коробка, два подъезда, двор без фонарей. После протечки половина окон в первом подъезде была тёмной: жильцы верхних этажей ночевали у родных, пока сушили стены. Илья припарковался рядом

с машиной аварийной службы, но внутри никого не было. На лобовом стекле под дворником лежала старая квитанция.

Он позвонил Лене.

— У дома. Полиции нет?

— Не приезжали. У меня твой выезд отображается.

— Причина какая?

— Проверка доступа после обращения.

— Больше ничего?

— Нет. А что?

— Ничего. Буду на связи.

Домофонная дверь оказалась приоткрыта: между створкой и рамой застрял свёрнутый рекламный листок. Илья вынул его и вошёл. В подъезде пахло мокрой штукатуркой и нагретой резиной. Лифт стоял на девятом этаже. Кнопка вызова загорелась, но кабина не спускалась.

Илья подождал, прислушиваясь к гулу троса. Потом пошёл по лестнице.

На четвёртом этаже он встретил мужчину в майке, который вынес мусор и удивился незнакомцу с папкой. Илья представился, спросил, не видел ли тот женщину у сорок седьмой квартиры.

— Тут с аварии половина ходит, — ответил мужчина. — Сушильщики, сантехники. Сегодня не видел. А что случилось?

— Проверяем заявку.

— Опять течёт?

— Пока нет.

На седьмом этаже стены были покрыты тёмными пятнами. Возле батареи стояло синее ведро, хотя сверху не капало. Илья поднялся ещё на пролёт и увидел свет, падающий с девятого этажа.

Не лампа на площадке — она горела на каждом пролёте одинаково тускло. Свет шёл из квартиры сорок семь, тонкой янтарной полосой под дверью.

Илья остановился между этажами.

Ключ в запечатанном пакете упирался ему в грудь. Наверху было тихо. Потом за дверью квартиры трижды пискнул прибор — точно так же, как во время звонка.

Он достал рабочий телефон и включил запись видео. В кадре появились ступени, табличка девятого этажа, дверь с номером сорок семь и свет под ней. Илья назвал дату, время и адрес. Собственный голос прозвучал слишком громко.

— Лидия Павловна? — позвал он. — Городская служба аварийного переселения. Вы звонили по поводу ключа?

Никто не ответил.

Он поднялся на площадку, не выключая запись. Возле замка не было ни женщины, ни сумки, ни мокрых следов. Дверь выглядела целой. На косяке сохранилась бумажная полоса подрядчика с датой окончания просушки. Полоса была разрезана точно посередине, а затем прижата обратно прозрачной лентой.

Из квартиры донёсся короткий металлический стук.

Илья отступил к лестнице и набрал дежурную часть ещё раз. Пока слушал гудки, ручка двери медленно опустилась изнутри.

## Глава 2. Свет на девятом

Ручка опустилась до упора и осталась внизу.

Илья отступил ещё на одну ступень. Телефон у его уха отвечал длинными гудками, второй телефон продолжал снимать дверь. В кадре дрожала светлая полоса у порога. Он заставил себя переставить ноги шире и прекратить дрожь хотя бы в руке.

— Дежурная часть, слушаю.

— Ракитин, городская служба переселения. Я повторно по Маяковского, восемнадцать, квартира сорок семь. Внутри кто-то есть. На вызов не отвечает, только что нажали ручку.

— Дверь открыта?

— Нет. Я не проверял.

— Не открывайте и не входите. Экипаж направлен.

За дверью снова звякнул металл. На этот раз звук был ближе к полу, словно на плитку упала чайная ложка. Ручка медленно вернулась вверх.

Илья назвал дежурному свою фамилию ещё раз и отключился. В коридоре над дверью горела обычная круглая лампа. Её свет ложился на пломбу подрядчика, на царапины возле замка, на свежую прозрачную ленту. Если кто-то хотел скрыть вскрытие, работу сделал небрежно. Если хотел, чтобы вскрытие заметили, — слишком аккуратно.

— Лидия Павловна, полиция едет, — сказал Илья. — Если вам нужна помощь, ответьте. Тишина.

Он присел так, чтобы камера увидела зазор под дверью. Свет внутри не двигался. Теней от ног не было. Илья приблизил телефон к порогу, не касаясь створки. На записи зашуршал его рукав.

Личный телефон завибрировал. Он едва не выронил оба аппарата. Звонил Кирилл.

— Что случилось? — спросил Илья вместо приветствия.

— Ты мне сам написал.

— Когда?

— Сейчас. «Не спишь?»

Илья открыл переписку. Последним его сообщением оставалось вечернее «Да. Как договорились?». Нового не было.

— С какого номера?

— С твоего.

— Сделай снимок и перешли мне. Не отвечай.

— Я уже ответил.

— Что именно?

— Что не сплю.

Илья закрыл глаза. За дверью квартиры сорок семь работал неизвестный прибор. Подъезд был пуст. Полиция могла приехать через пять минут или через час. До дома — двадцать минут по скользкой дороге.

— Разбуди Зою Сергеевну и перейди к ней.

— Она не спит. Телевизор слышно.

— Позвони ей, не выходи в коридор один.

— Дядь Илья, что случилось?

— Кто-то ошибся номером и подписался мной.

— Но там твоя фотография.

— Фотография ничего не доказывает. Позвони Зое.

Кирилл замолчал. Илья услышал два коротких сигнала — племянник переключился на другой вызов, не разрывая связь. Через несколько секунд в трубке раздался сонный голос Зои:

— Я здесь. Открываю свою дверь. Кирилл, посмотри в глазок. Видишь меня?

— Вижу.

— Теперь выходи.

Щёлкнул замок, затем ещё один. Илья считал звуки, пока не услышал, как Зоя закрывает дверь уже своей квартиры.

— Всё, он у меня, — сказала она. — Объяснишь потом.

— Спасибо. Не отвечайте никому, кроме меня по видеосвязи.

— А сейчас с кем я разговариваю?

Илья понял, что она права. Вопрос был неприятный и правильный.

— Спроси, что ты принесла к ужину.

— Пирог с капустой. И он его почти весь съел. Теперь ты.

— На фотографии он делал географию на кухне. На стене за ним часы показывали без двадцати одиннадцать.

— Ладно. Приняла. Илья, не геройствуй.

Связь закончилась. Кирилл прислал снимок переписки. Сообщение пришло от контакта «Дядя Илья», аватар был тем же — больничный автомат с кофе. Но под именем мелким шрифтом отображался номер. Отличалась одна цифра в середине.

**«Не спишь?»**

**«Нет. Ты на работе?»**

Ответа не было.

Илья сохранил изображение и отправил себе на рабочую почту. Затем позвонил Лене.

— Проверь, кто открывал карточку Кирилла или мой личный файл.

— Какую карточку? У нас нет карточки Кирилла.

— В моих кадровых данных есть номер для экстренной связи.

— Я туда не вижу. Что произошло?

— Ему написали с номера, похожего на мой.

— Из квартиры?

— Я не знаю откуда.

Лена выдохнула в микрофон.

— Уезжай оттуда. Адрес закрыт после просушки, ключ у тебя, хозяйка недоступна. Ты сделал всё, что мог.

— За дверью свет. Ручку нажимали изнутри.

— Вот поэтому и уезжай.

На лестнице ниже хлопнула дверь. Илья повернул камеру к пролёту. Послышались шаги, негромкие, тяжёлые. На площадку поднялся мужчина в домашней куртке поверх майки — тот самый сосед с четвёртого этажа. В руке он держал связку ключей.

— Я жене рассказал, — сказал он, запыхавшись. — Она говорит, бабка оттуда уехала ещё в начале месяца. Может, воры?

— Полицию вызвал. Не подходите к двери.

— Так я не подхожу. Я посмотреть.

Сосед сразу подошёл ближе и наклонился к замочной скважине.

— Свет есть, — сообщил он.

— Это видно и без скважины.

— А тихо. Если воры, чего сидят?

— Отойдите, пожалуйста.

Мужчина неохотно переместился к лифту и нажал кнопку. Над дверью кабины горела цифра девять.

— Он тут стоит, — сказал сосед. — Значит, кто-то приехал.

— Или поднялся раньше.

— После одиннадцати бы услышали. Он гремит так, что у нас посуда звенит.

— Когда лифт поднялся?

— Не знаю. Я телевизор смотрел.

Кнопка погасла, двери лифта разошлись. Кабина была пуста. На резиновом полу лежали мокрые следы — не отпечатки подошв, а длинные дуги, будто сюда закатывали тележку. В углу блестела маленькая лужа.

Илья снял кабину крупнее.

— Это сушильщики натоптали, — сказал сосед. — Они аппараты возили.

— Позавчера?

— Может, вчера. У нас день за день.

Кабина попыталась закрыться, мужчина придержал дверь ногой. Илья попросил его спуститься и встретить полицию у подъезда. Сосед согласился не сразу, зато идея дать указания экипажу ему понравилась. Он вошёл в лифт, всё ещё удерживая створку плечом.

— А если она сама выйдет?

— Не задерживайте. Скажите, что полиция едет, и позвоните мне.

— Как я позвоню? Номера нет.

Илья продиктовал служебный номер. Мужчина записал его в телефон под именем «Риэлтор ночь». Потом двери закрылись, кабина загремела вниз.

На площадке снова стало тихо.

Свет под квартирной дверью погас.

Не мигнул, не дрогнул — просто исчез. Одновременно прекратился едва слышный гул, который Илья до этого принимал за вентиляцию. Теперь он различил работу двигателя лифта в шахте и далёкий телевизор, но из квартиры не доносилось ничего.

Илья поднял телефон с камерой. Запись шла уже одиннадцать минут. Он назвал время и вслух отметил, что свет погас. Потом направил луч фонаря на пломбу. Прозрачная лента блеснула.

Изнутри повернулся замок.

Один оборот, пауза, второй.

Илья отступил к лестнице. Дверь не открылась. Он ждал, чувствуя, как холодный воздух идёт по спине под рубашкой. Через минуту попробовал заговорить снова.

— Я не буду входить. Полиция уже внизу. Если вы собственница, приготовьте паспорт. Если вам угрожают, постучите три раза.

Ответа не было.

Он соврал про полицию внизу, и ложь сразу показалась глупой. Человек внутри мог посмотреть в окно. Окна квартиры выходили во двор и на дорогу; служебную машину было видно под фонарём, патрульной рядом не было.

Рабочий телефон показал новый вызов. На экране стояло имя Татьяны Власовой.

— Ты где? — спросила она.

— На Маяковского.

— Кто разрешил выезд?

— Был звонок из сорок седьмой. Женщина сообщила, что не может войти.

— Какой звонок?

— На отдельный аппарат. В журнале линии его нет. Лена слышала мой разговор после.

— То есть сам звонок она не слышала.

— Нет.

— Илья, ты взял ключ?

Он коснулся пакета через куртку.

— Опечатанный. Выдачу внёс.

— Не вскрывай. Квартира сдана после работ, собственница ключ не получала. Никаких оснований входить у тебя нет.

— Внутри кто-то есть. Свет горел, ручку нажимали. Замок сейчас закрыли изнутри. Татьяна помолчала. Телевизора на фоне больше не было.

— Полицию вызвал?

— Дважды.

— Жди их. К двери не подходи. И не снимай жильё собственницы изнутри, если попадёшь туда с сотрудниками. Мне не нужна жалоба на тебя перед комиссией.

— Откуда вы знаете номер квартиры?

— Ты сказал: сорок седьмая.

— Я сказал «на Маяковского». Номер не называл.

В трубке наступила тишина. Илья прокрутил разговор в памяти. «На Маяковского». «Был звонок из сорок седьмой». Нет, он всё-таки назвал номер вторым предложением. Татьяна могла ничего не знать заранее.

— Ты устал, — сказала она. — Вернёшься — выпей кофе. Утром разберёмся.

— Кто вам сообщил, что я выехал?

— Система. Я получаю уведомления по ночным объектам.

— В час ночи?

— Особенно в час ночи. Иначе зачем начальница ночной службы?

Татьяна отключилась.

Илья посмотрел на экран. Разговор длился одну минуту сорок три секунды. Он включил заметки и записал всё, что помнил, отмечая отдельно то, в чём сомневался. Номер квартиры назвал сам — да. Про женщину у двери сказал — да. Про свет и ручку — да. Татьяна первой упомянула, что собственница не получила ключ, но это было в карточке.

Ничего невозможного.

Только звонок, которого не было.

Снизу донеслась сирена, коротко включённая перед двором. Через минуту по лестнице поднялись двое полицейских и сосед. Один полицейский был молодым, с покрасневшими от холода ушами, второй — старше Ильи и заметно хромал. Илья предъявил удостоверение службы, показал карточку вызова и опечатанный ключ.

— Звонившая где? — спросил старший.

— Не знаю. У двери её не было.

— Вы уверены, что ручку нажимали изнутри?

— Есть видео.

На записи ручка двигалась. Молодой полицейский просмотрел фрагмент дважды, затем посветил на дверь фонарём.

— Могла под весом опуститься? Пружина сломана.

— И замок сам повернулся?

— На видео замка не видно.

— Слышно.

Старший попросил соседа вернуться к себе, потом постучал кулаком и представился. Ответа не было. Он позвонил дежурному, сверил сведения о собственнице и спросил, зарегистрированы ли в квартире другие люди. Пока ему отвечали, молодой проверил замочную скважину.

— Света нет, — сказал он.

— Был, — ответил Илья.

— Я не спорю.

По тону было ясно, что он как раз спорит, только не хочет произносить это вслух.

Старший убрал телефон.

— Зарегистрирована одна Мартова. Связаться не могут. Основания полагать, что внутри человек, есть. Ключ служебный?

— Да. Пакет опечатан после просушки.

— Открывайте при нас.

Илья снял на видео номер пломбы. Попросил обоих полицейских назвать фамилии и время. Старший недовольно посмотрел, но представился. Илья разорвал край пакета, вынул ключ и вставил в нижний замок.

Ключ не повернулся.

— Говорили же, личинку сменили, — сказал молодой.

Илья попробовал без усилия ещё раз. Ключ входил полностью, но будто упирался в неподвижную пластину.

— Верхний, — подсказал старший.

Бирка не указывала замок. Илья вставил ключ сверху. Один оборот, второй. Звук был тем же, который он слышал изнутри несколько минут назад.

Дверь приоткрылась на ширину ладони и упёрлась в цепочку.

Все трое замерли.

— Хозяйка! — громко сказал старший. — Полиция. Откройте дверь.

Из тёмного коридора никто не ответил. Цепочка была натянута, но крепление на косяке выглядело ненадёжным: два коротких шурупа в старой древесине. Полицейский просунул в щель фонарь. Луч выхватил мокрые обои, перевёрнутую табуретку и край зеркала.

— Человек есть? — спросил Илья.

— Не вижу.

Старший позвонил дежурному ещё раз. Получив разрешение, надел перчатки, просунул руку в щель и несколько раз ударил ладонью по цепочке снизу. Крепление вырвалось вместе со щепкой. Дверь распахнулась.

— Оставайтесь здесь, — сказал он Илье.

Полицейские вошли, включая свет в каждой комнате. Илья стоял на пороге и продолжал снимать только коридор. В квартире пахло влажной штукатуркой, дешёвым лимонным средством и чем-то тёплым, домашним. Через несколько секунд он понял — кипячёной водой.

— Чисто, — крикнул молодой из дальней комнаты.

Старший проверил ванную, балкон, шкафы. Никого.

— Заходите, раз ключевой фонд ваш. Только ничего не трогайте.

Илья переступил порог. Свет под дверью раньше шёл из кухни. Там сейчас горела маленькая лампа над мойкой. На столе стоял электрический чайник. Белый пластик пожелтел возле носика, на крышке собрались капли.

— Он тёплый, — сказал молодой полицейский, держа ладонь в сантиметре от корпуса.

— Не трогайте, — повторил старший уже ему.

Провод чайника был включён в розетку, клавиша поднята. Илья видел уровень воды через мутное окошко — примерно половина. Рядом лежала чайная ложка. Значит, металлический стук мог быть настоящим. Но на столе не было ни кружки, ни чая.

Тройной писк раздался у них за спиной.

Молодой резко повернулся и поднял фонарь. На стене над дверью висел маленький датчик влажности. На экране мигала цифра семьдесят три. Через несколько секунд прибор снова пискнул три раза.

— Батарейка садится, — сказал полицейский.

Илья приблизил телефон, снял датчик и время. Это объясняло звук в трубке, если женщина действительно звонила отсюда. Или если тот, кто звонил, заранее знал, как звучит прибор.

Комнаты были почти пустыми. В спальне стояла кровать без матраса, у стены — книжный шкаф, закрытый плёнкой. На пыльном подоконнике не было следов. В гостиной сушильщики оставили свёрнутый кабель и лист контроля влажности. Последняя запись датировалась позавчерашним днём. Балкон запирался изнутри; снеговая крупа лежала на внешнем карнизе ровным слоем.

— Другой выход? — спросил Илья.

— Вы нам скажите, — ответил старший.

Они проверили вентиляционные решётки и окна. Человек не мог исчезнуть. Цепочка была заброшена изнутри, однако Илья видел в сети ролики, где её поднимали леской через щель. Прозрачную леску можно было вытянуть вместе с собой. Для этого дверь сначала требовалось запереть снаружи, а свет и чайник оставить заранее.

— Сколько чайник остывает? — спросил молодой.

— Зависит от воды, — сказал Илья.

— Спасибо, специалист.

Старший записал номер пломбы, состояние двери и время входа. Повреждённое крепление цепочки сфотографировал отдельно. Илья позвонил Лидии Мартовой ещё раз. Теперь вместо сообщения о недоступности шли гудки.

Женщина ответила сонным голосом.

— Да?

— Лидия Павловна? Меня зовут Илья Ракитин, городская служба аварийного переселения. Вы сейчас где находитесь?

— А вы кто такой?

Он повторил должность и назвал адрес.

— Я у дочери, — сказала Лидия. — Что с квартирой?

— Вы сегодня пытались попасть домой?

— Ночью? Нет. Что случилось?

Илья посмотрел на полицейских. Старший кивнул: продолжайте.

— Нам поступило сообщение о замке и включённом свете. Мы вошли с полицией служебным ключом. В квартире никого нет. Цепочка повреждена при входе.

— Какой свет? Я всё выключила.

— Кто-нибудь ещё имеет ключ?

— Дочь. Но она рядом со мной. Подождите, я её разбужу.

Послышалось движение, приглушённый зов. Лидия вернулась к телефону сердитой и уже окончательно проснувшейся.

— Ключ у неё в сумке. Вы зачем вошли?

Илья объяснил ещё раз, медленнее. Когда упомянул чайник, женщина перебила:

— У меня нет белого чайника.

Все посмотрели на стол.

— Какой у вас?

— Стальной. Я его дочери отвезла. Белый выбросила ещё весной, он протекал.

Илья снял чайник крупным планом.

— Когда вы сможете приехать?

— Утром. Не ночью же по льду. Закройте всё и никого не пускайте. И кто будет дверь чинить?

Старший взял трубку, представился и договорился, что Лидия придёт в отдел после девяти. Когда разговор закончился, он осмотрел чайник внимательнее.

— Новый не выглядит, — сказал молодой.

— Его могли принести сушильщики, — ответил Илья.

— Или хозяйка забыла.

— Она сразу сказала, что белый протекал.

— Люди много чего сразу говорят.

Старший нашёл под раковиной упаковку одноразовых перчаток, надел новую пару и выдернул вилку чайника из розетки. Потом упаковал сам чайник в большой пакет из багажника патрульной машины. Илья не спросил, будут ли с него снимать отпечатки. По выражению полицейского понял: если не окажется взлома или кражи, пакет останется формальностью.

Они закрыли окна и погасили свет. Илья вставил ключ в верхний замок снаружи. Два оборота. Нижний замок оставался незапертым — тот, о котором говорила женщина. Цепочки больше не было.

— Пломбу ставите? — спросил старший.

У Ильи в машине лежали номерные полосы для муниципальных квартир, но квартира Лидии была частной. Он не имел права опечатывать её без согласия. Они договорились наклеить поперёк двери и косяка обычную бумагу с подписями всех троих, чтобы утром было видно повторное открытие. Соседа снова вызвали как понятого. Тот пришёл уже в свитере и с телефоном, готовым снимать.

В 02:38 Илья спустился во двор. Лифт на этот раз работал. Мокрые дуги на полу почти высохли. Он сфотографировал их и табло первого этажа. Сосед сообщил, что никакой женщины из подъезда не выходило и никто не спускался по лестнице. Потом добавил, что на минуту уходил надеть свитер, но входную дверь видел из окна.

Патруль уехал первым. Илья сел в служебную машину и проверил сообщения. Кирилл прислал только одно: «Мы у Зои. Я выключил звук».

Илья набрал видеосвязь. Племянник лежал на диване под клетчатым пледом, Зоя сидела рядом в кресле.

— Всё нормально, — сказал Илья. — Ложный вызов на работе.

— Это ты писал? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Тогда не всё нормально.

Возразить было нечем.

— Номер сохрани. Утром покажем полиции.

— Я уже сохранил.

— Хорошо. Спи.

— Ты приедешь?

Илья посмотрел на часы. До конца смены оставалось пять с половиной часов. Уехать означало оставить Лену одну с ключами и выездами; остаться — заставить Кирилла провести ночь у соседки после сообщения неизвестного человека.

— Я закончу оформление и попрошу замену, — сказал он.

Зоя покачала головой, но не вмешалась. Кирилл ответил: «Понятно» — тем тоном, которым обычно говорил «нет» взрослым, когда спорить уже поздно.

По дороге обратно Илья дважды звонил сменщику. Тот не отвечал. Татьяна тоже сбросила вызов, затем прислала: «Все объяснения утром. Ключ вернуть в шкаф. Пакет и пломбу сохранить».

Диспетчерская встретила его белым светом и запахом свежего кофе. Лена сидела на его месте за стойкой. Перед ней лежал журнал выездов.

— Я карточку распечатала, — сказала она. — Пока не пропала.

Илья положил рядом разорванный пакет, пломбу и ключ. На распечатке были его время выезда, адрес и правильная причина. Поле «основание» оставалось пустым.

— Здесь должен быть номер звонка, — сказал он.

— Его не было в системе.

— Тогда внутренний номер.

— Тоже не было.

Он открыл журнал на компьютере. За промежуток с 00:50 до 01:00 значились два обращения: шум в тепловом узле и застрявший лифт на другом конце города. Оба приняла Лена. Ни входящего на отдельный аппарат, ни перевода линии.

— Ты видела, что я разговаривал?

— Видела трубку у тебя в руке.

— Слышала, что я отвечал женщине?

Лена отвела глаза.

— Я была в наушниках.

— Но после прочитала карточку.

— Карточку ты написал сам.

Илья ощутил знакомое движение внутри — будто пол под ногами сдвинулся на несколько сантиметров, хотя всё вокруг осталось на месте. Он положил ладонь на стойку. Холодный пластик был настоящим. Ключ от сорок седьмой квартиры лежал перед ним. Разорванная пломба — тоже.

На кухне открылась дверь. Татьяна Власова вошла в переднюю комнату, снимая мокрые перчатки.

— Быстро вы, — сказал Илья.

— После твоего второго звонка решила приехать. Показывай.

Он пересказал выезд, дал ей распечатку и видео. Татьяна смотрела без комментариев. На фрагменте с дверью ручка опускалась, свет горел. На следующем полицейский разрывал цепочку. На кухне стоял чайник.

— Хозяйка подтвердила, что не звонила, — сказал Илья. — Чайник не её. Звонившая слышала датчик влажности, значит, либо находилась внутри, либо знала квартиру.

— Возможно.

— И кто-то написал Кириллу с похожего на мой номера.

Татьяна подняла взгляд.

— При чём здесь Кирилл?

— Не знаю. Но сообщение пришло, когда я был у двери.

— Покажи.

Илья показал снимок. Татьяна увеличила номер пальцами, сверила с его номером в контактах и вернула телефон.

— Обычная подмена имени. Мошенники так делают тысячами.

— Они написали именно сейчас.

— Люди получают сообщения именно сейчас каждую минуту. Не связывай два события только потому, что они тебя испугали.

Фраза была разумной. От этого Илье стало хуже.

Татьяна взяла ключ со стойки.

— Почему пакет вскрыт?

— Полиция решила войти. Это на видео и в их записи.

— Почему ключ вообще оказался у тебя?

— Я внёс выдачу перед выездом.

Он потянул к себе ведомость и перевернул страницу. Строка, которую он заполнил в 01:09, отсутствовала.

На листе после подписи сменщика шла его карандашная пометка о ключе сто сорок два. Ниже — чистая бумага до самого края.

— Здесь было написано, — сказал Илья.

— Что?

— Маяковского, пакет опечатан, время и подпись.

— Ручкой?

— Ручкой.

Он достал телефон и открыл снимки. Фотография пустого крючка и пометки о сто сорок втором сохранилась. Следующий кадр — уже приборная панель машины. Снимка пакета на ведомости не было.

Илья пролистал назад, затем вперёд. Ничего.

— Я фотографировал, — сказал он.

— Может, собирался, — ответила Татьяна.

— Лена видела.

Обе посмотрели на операторшу.

Лена сидела очень прямо, сложив руки на коленях.

— Я сказала ему записать выезд, — произнесла она. — Но что именно он написал и фотографировал ли, я не смотрела.

— Ты стояла рядом.

— Я была в своей комнате.

— Ты сказала: пакет не вскрывай.

— Сказала. Когда увидела ключ у тебя в руке.

Татьяна положила разорванный пакет поверх чистой ведомости.

— Получается, Илья, ты услышал звонок, которого нет ни на одной линии, сам взял служебный ключ без заявки и поехал в частную квартиру. Там убедил полицию войти, повредив дверь.

— Я никого не убеждал. Они приняли решение после видео.

— Хорошо. Это будет в их объяснении. А в нашем пока есть ключ, твоя подпись в приёме смены и отсутствие подписи в выдаче.

Илья посмотрел на карандашную пометку о сто сорок втором. Графит можно было стереть одним движением. Даже фотография доказывала только то, что когда-то на полях лежали серые линии.

— Проверьте камеры, — сказал он. — Над шкафом всё видно.

Татьяна медленно повернула голову к чёрному полушарию под потолком.

Красный огонёк камеры не горел.

— Проверю утром, — сказала она. — А сейчас верни ключ на место и напиши объяснительную. Только пиши то, что можешь подтвердить. Не то, что тебе показалось.

### Глава 3. Корешок без подписи

Объяснительную Илья начал с времени.

«В 00:56 на отдельный телефон поступил вызов».

Он перечитал строку и зачеркнул слово «поступил». Если аппарат не сохранил соединение, Лена не слышала голоса, а в журнале не было номера, Татьяна назовёт это утверждением без подтверждения. Илья написал ниже: «В 00:56 я снял трубку отдельного телефона и услышал женский голос».

Так было точнее и хуже.

Стрелки настенных часов показывали без четверти четыре. За стеклом операторской моросил дождь, в чёрном окне отражалась стойка, шкаф ключей и трое людей, которым предстояло сидеть вместе ещё четыре часа. Лена отвечала на обычные вызовы тише, чем прежде. Татьяна устроилась за столом сменщика и читала распечатки. Разорванный пакет с ключом лежал возле её локтя.

Илья записал адрес, слова женщины, время звонка в полицию, время приезда патруля. Там, где память давала точную опору, он ставил минуты по журналу своего телефона. Там, где оставался только порядок событий, так и писал: «после этого», «затем», «точное время не установил».

- Ты протокол осмотра видел? — спросила Татьяна, не поднимая глаз.
- Полицейский записал мои данные и номер ключа. Копии мне не дал.
- Значит, не пиши, что чайник изъяли как вещественное доказательство.
- Я пишу, что сотрудник положил его в пакет и унёс.
- Для тебя это одно и то же?
- Нет. Поэтому пишу, что видел.

Татьяна посмотрела на него поверх распечатки. В её взгляде не было раздражения. Она будто проверяла, запомнил ли ученик правило после первого объяснения.

— Правильно, — сказала она. — Именно так и пиши.

Илья вернулся к листу. Слово «правильно» неприятно застряло в голове. Так Татьяна разговаривала с ним девять лет назад, когда учила принимать квартиры после аварий. Не верь словам жильца, пока не увидел стояк. Не обещай срок, который зависит не от тебя. Не подписывай пустое поле. Тогда её правила защищали от жалоб и чужих ошибок. Сейчас каждое правило уменьшало произошедшее до того, что помещалось в чужой журнал.

Он дописал про бумажную полосу на двери и приложил список файлов на телефоне. Видео ручки. Видео входа с полицейскими. Фотографии чайника, датчика, повреждённой цепочки. Снимок сообщения Кириллу он в объяснительную не включил: связь с квартирой пока существовала только в его страхе.

— Готово.

Татьяна взяла два листа и сразу посмотрела на низ второго.

- Подпись, дата, время составления.
- Я знаю.
- Тогда подпиши.

Илья расписался. Ручка оставила на бумаге привычный короткий крюк, прямую черту и две почти слившиеся буквы. Он всегда подписывался быстро. В банке его однажды попросили повторить подпись, потому что на старой карточке хвост уходил вверх, а теперь вниз. С тех пор он старался ставить её медленнее, но рука всё равно возвращалась к одному движению.

Татьяна положила объяснительную в прозрачный файл.

— Теперь ключ.

Она надела тонкие перчатки, вставила ключ в новый пакет и продиктовала Лене номер пломбы. Лена записала его в ведомость выдачи и возврата. На этот раз Илья видел каждую букву. Строка начиналась с 03:52, затем шёл адрес, номер сто сорок два, отметка о вскрытии полицией и три подписи.

— Сфотографируй, — сказала Татьяна.

Илья не сразу понял, что она обращается к нему.

— Зачем?

— Чтобы через час не сказал, что здесь было написано другое.

Лена опустила голову. Илья сделал снимок. Телефон показал его в нижнем углу галереи: белая страница, рука Татьяны в перчатке, пакет и чёткая строка.

— Отправь на служебную почту, — сказала Татьяна. — Не только себе.

Он отправил. Письмо появилось в исходящих с отметкой времени. Всё было сделано безупречно, и именно поэтому казалось издевательством.

В 04:07 пришёл вызов о лопнувшей подводке в доме на Железнодорожной. Семью с младенцем требовалось поселить до утра. Илья ожидал, что Татьяна запретит ему выезд, но она передала заявку как обычно.

— Поедет Лена, — сказал он. — Я не закончил с камерой.

— Лена оператор. Ты риелтор.

— Вы сами сказали, что нужно проверить запись.

— Утром проверим. Сейчас у людей вода на полу.

Он посмотрел на шкаф. Чёрное полушарие камеры висело прямо над ним. Красный огонёк не горел, но Илья не помнил, горел ли он раньше постоянно. Иногда такие камеры обозначали работу короткой вспышкой, иногда вообще не подавали знака.

— Дайте мне пять минут.

— У семьи младенец.

Татьяна знала, на что нажать. Илья взял карточку выезда, но прежде чем выйти, набрал Зою по видеосвязи. Она ответила не сразу. На экране возник потолок, край люстры, затем её лицо.

— Кирилл спит, — прошептала она.

— Покажите дверь.

— Илья, ты серьёзно?

— Пожалуйста.

Зоя повернула телефон. На цепочке висела дверь, оба замка были закрыты. Потом она показала диван. Кирилл лежал лицом к стене, натянув плед на голову. Из-под него торчала босая ступня.

— Достаточно? — спросила Зоя.

— Если кто-то позвонит или напишет, не отвечайте.

— Я это поняла в первый раз. Ты лучше скажи, когда вернёшься.

— После смены.

— То есть как всегда.

Она отключилась раньше, чем он успел возразить.

На Железнодорожной всё оказалось именно таким, каким должно быть. Подводку к бачку сорвало, вода прошла в квартиру снизу, хозяин метался между ванной и детской в мокрых носках. Илья проверил акт аварийной бригады, позвонил владельцу свободной однокомнатной квартиры, оформил временное заселение и выдал семье обычный ключ под обычную подпись. Мать держала младенца под курткой. Отец трижды спрашивал, придётся ли платить за неделю. Илья трижды отвечал, что сначала им нужно выспаться, а расчёты служба пришлёт днём.

Он фотографировал каждый лист. Перед тем как отдать ключ, попросил отца поднять заполненную расписку к свету и снял обе стороны.

— Так положено? — спросил мужчина.

— Теперь положено.

В машине Илья проверил снимки. Все сохранились. Он отправил их на служебную почту, себе и в закрытое хранилище, которым пользовался для договоров. Потом долго смотрел на пустую строку поиска в галерее. Телефон не мог сам удалить одну фотографию, не тронув соседние. Мог не сделать её, если Илья только навёл камеру и не нажал кнопку. Мог не сохранить при сбое. Мог синхронизировать не тот альбом.

Он попытался восстановить момент возле шкафа. Пакет лежит на ведомости. Лена говорит не вскрывать. Он поднимает телефон. На экране виден белый прямоугольник. Палец касается стекла или только за висает над ним? Был ли короткий звук затвора? В диспетчерской тогда звонил другой аппарат. Он повернул голову. Потом убрал телефон.

Чем сильнее Илья старался увидеть движение пальца, тем яснее видел выдуманную картинку. Он прекратил.

К пяти утра город начал сереть. В окнах хлебозавода горел жёлтый свет, на остановке стояли первые люди. Илья вернулся в диспетчерскую с двумя подписанными экземплярами заселения и мокрыми рукавами. Татьяны в передней комнате не было. Лена показала глазами на узкий коридор к архиву.

— Она техника вызвала, — сказала Лена.

— По камере?

— Наверное.

— Ты её видела ночью включённой?

Лена сняла наушник с одного уха.

— Илья, я не смотрю на лампочку каждые пять минут.

— Когда я брал ключ, камера работала?

— Не знаю.

— Ты сказала Татьяне, что видела ключ у меня.

— Потому что видела.

— Где именно?

— У шкафа. В руке.

— Пакет был цел?

— По-моему, да.

— Я писал в ведомости?

Лена оглянулась на коридор.

— Ты стоял над ней с ручкой.

— Писал?

— Не знаю. У меня был звонок. Я отвернулась.

— А потом?

— Потом ты уехал.

Илья положил на стойку документы с Железнодорожной. Бумага под его ладонью отсырела и стала мягкой.

— Ты сказала мне записать выезд.

— Да.

— До того, как я достал ключ, или после?

Лена закрыла глаза, будто проверяла не память, а правильность ответа.

— Не помню.

Из архива вышла Татьяна. За ней шёл худой парень в серой толстовке с ящиком инструментов. Илья видел его раньше: подрядчик обслуживал камеры, турникет и тревожные кнопки во всём здании.

— Антон, — сказала Татьяна, — объясни ещё раз при сотрудниках.

Парень поставил ящик на пол.

— Регистратор в час семнадцать перезагрузился. До часу семнадцати запись есть, после — с часу двадцати трёх. Шесть минут выпало.

— Мне нужен промежуток около часа, — сказал Илья.

— Тогда там всё есть.

В груди на мгновение стало легче.

— Покажите.

— Не здесь. Монитор в архиве.

Татьяна провела их в комнату. На столе среди коробок стоял небольшой экран. Антон открыл шкалу времени. Четыре камеры показывали вход, переднюю комнату, коридор и шкаф ключей. В 00:55 Илья сидел у отдельного телефона. На немой записи он поднял трубку, слушал, говорил, записывал адрес. Лена находилась за стеклом в своей комнате и смотрела в монитор.

— Вот звонок, — сказал Илья.

— Вот ты с трубкой, — поправила Татьяна. — Звука нет.

На экране Илья закончил разговор, подошёл к компьютеру, затем к шкафу. Изображение было широким, верхние полки видны хорошо, нижние закрывало его плечо. Он снял брелок с крючка, раскрыл ящик под ведомостью, достал опечатанный пакет.

— Стоп, — сказал Илья. — Здесь.

Антон остановил запись.

Пакет лежал в правой руке Ильи. Левой он открыл ведомость и наклонился над страницей. Потом взял ручку. Его тело закрывало строку.

— Дальше.

Илья стоял так сорок секунд. Камера делала снимок за снимком, но различить кончик ручки было невозможно. Затем он выпрямился, достал телефон и навёл его на стол.

— Я фотографировал.

На записи экран телефона был обращён вниз. Илья держал его две секунды, потом резко поднял голову в сторону операторской. На соседнем окне Лена отвечала на вызов. Он убрал телефон в карман и ушёл с пакетом.

— Можно увеличить? — спросил он.

Антон увеличил. Изображение рассыпалось на серые квадраты. Палец Ильи находился у края телефона, но касался ли он экрана, понять было нельзя.

— Перезагрузка позже, — сказал Илья.

— Да, — ответил Антон.

— Значит, камера подтверждает, что я открыл ведомость и взял ручку.

— Подтверждает, что ты стоял над ведомостью с ручкой, — сказала Татьяна. — Записи на листе всё равно нет.

Илья попросил показать промежуток перезагрузки. В 01:17 он уже ехал по проспекту. В передней комнате оставалась Лена. Татьяны ещё не было. Картинка одновременно замерла на всех четырёх окнах, экран стал чёрным, затем появилась заставка регистратора. В 01:23 помещение вернулось пустым. Лена на соседней камере сидела на месте.

— Почему он перезагрузился? — спросил Илья.

Антон пожал плечами.

— Питание не пропадало. Может, обновление. Может, завис. Журнал событий надо выгружать.

— Выгружайте.

Парень посмотрел на Татьяну.

— Это заявка отдельная.

— Оформлю, — сказала она. — Запись сохрани на служебный носитель.

— И мне копию, — сказал Илья.

— Запись служебная. Получишь по запросу комиссии.

— На ней мои действия.

— И рабочие места других сотрудников. Напишешь запрос.

Илья достал телефон и сфотографировал экран. Татьяна не остановила его. На снимке были четыре маленьких окна, шкала и время 01:19:08. Никакой полезной подробности, только чёрная пауза, случившаяся через несколько минут после его отъезда.

Антон перемотал запись к приходу Ильи. В 02:54 тот вошёл, положил пакет на стойку и подошёл к ведомости. В 03:01 появилась Татьяна. Она сняла перчатки, просмотрела видео с телефона, взяла ключ. Ни к журналу, ни к камере она не подходила до того момента, когда Илья сам открыл страницу.

— Достаточно, — сказала она. — Сохраняй от полуночи до четырёх.

Она не стирала строку. По крайней мере, не после приезда. Лена всё это время оставалась в здании, но камера передней комнаты почти постоянно видела её за стеклом. Несколько раз операторша выходила к чайнику и в туалет. К ведомости она могла подойти в слепой зоне снизу, однако Илья не видел причины. Был ещё сменщик, ушедший до звонка. Были уборщицы, охрана, техники с доступом к архиву. Были его собственные сорок секунд над открытой страницей.

Вернувшись к стойке, Илья начал перекладывать документы ночной смены. Так он делал каждое утро: карточки выездов в синюю папку, акты заселения в зелёную, испорченные бланки в лоток на уничтожение. Пальцы работали сами, пока голова снова и снова возвращала немой кадр с ручкой.

В лотке лежали узкие бумажные полоски. Корешки от номерных пакетов отрывали при выдаче ключа и скрепляли с заявкой. Обычно на корешке писали адрес, фамилию сотрудника и время, затем расписывались поперёк красной полосы. После возврата его подшивали к месячной ведомости.

Илья взял верхнюю полоску. Железнодорожная, ключ семьдесят восемь, его свежая подпись. Под ней — старый корешок от квартиры на Садовой. Ещё ниже белела бумага с красным номером 000142.

Он перестал дышать.

На корешке было написано: «Маяковского, 18—47. 01:09. И. Ракитин».

Подписи не было.

— Лена.

Она подошла, увидела полоску и замерла.

— Откуда это?

— В лотке. Под двумя другими.

Татьяна вышла из архива. Илья не дал ей взять бумагу.

— Сначала фотография на месте.

Он положил корешок обратно ровно так, как нашёл, снял общий план лотка, затем номер и надпись. Отправил снимки на три адреса. Только после этого поднял полоску за края.

Почерк был его. Не похожий — его. Буква «я» в слове «Маяковского» уходила ниже строки. Восьмёрка в номере дома состояла из маленькой верхней петли и большой нижней. Цифру семь он перечёркивал посередине, хотя давно собирался отучиться. Даже точку после инициала ставил слишком близко.

— Ты заполнял? — спросила Татьяна.

— Я помню номер корешка.

— Это не ответ.

Илья вспомнил пакет в руке. Красную ленту, которую тянул до щелчка. Узкую полоску, оставшуюся между пальцев. Он должен был заполнить её сразу. Всегда заполнял. Возможно,

положил в лоток, затем открыл ведомость. Возможно, написал фамилию вместо подписи, потому что за стеклом зазвонил аппарат. Возможно, собирался вернуться и расписаться.

— Не знаю, — сказал он.

Лена шумно вдохнула.

— Ты только что сказал, что почерк твой.

— Почерк мой. Писал ли я именно эту полоску сегодня ночью, не помню.

Татьяна поставила на стол прозрачный файл.

— Корешок подтверждает, что ты вскрыл пакет в час девять.

— Пакет вскрыла полиция позже.

— Оторвал контрольную часть. Не вскрыл сам пакет. Хорошо. Но в ведомости не расписался.

— Почему корешок оказался под старым мусором?

— Потому что ты его туда бросил.

— Я складываю корешки с заявками.

— Обычно. Сегодня ты услышал голос из несуществующего звонка, спешил и забыл.

Илья посмотрел на время. 01:09. Оно совпадало с тем, которое он называл ночью. Он помнил его потому, что видел часы, или потому, что сам написал на корешке? В памяти цифры уже не имели источника. Они просто стояли там, готовые подтвердить любую версию.

— Уберите его отдельно, — сказал он. — Не в папку с моей объяснительной.

— Почему?

— Потому что это предмет, найденный после того, как ведомость оказалась пустой.

Нужна отметка, где и когда нашли, кто присутствовал.

Татьяна чуть улыбнулась.

— Правильно.

Илья ненавидел это слово.

Они составили короткий акт. Лена написала, что присутствовала при обнаружении, но не видела, кто положил корешок в лоток. Татьяна вписала время. Илья перечислил порядок фотографий и подписал только свою строку. Корешок вложили в отдельный пакет, заклеили и оставили на столе до прихода дневного руководителя.

В 06:20 Кирилл прислал сообщение: «Можно домой? Мне в школу».

Илья ответил: «Я заберу тебя после смены».

Три точки появились сразу.

«Ты после смены спишь».

«Сегодня не буду».

«Это хуже».

Илья начал писать, что всё под контролем, и стёр. Потом написал: «Да. Поэтому сначала отвезу тебя, потом посплю. Зоя может проводить тебя сейчас, если ты хочешь».

Кирилл выбрал Зою.

В семь пришли дневные сотрудники. Передняя комната наполнилась мокрыми куртками, голосами и запахом дешёвого кофе. Татьяна отвела руководителя службы в архив. Илью не позвали. Он сдал обычные заявки, отдельно передал акты по квартире Лидии и попросил поставить отметку о приёме на копии. Дежурный руководитель прочитал первую страницу, нахмурился и расписался.

— Власова говорит, ты не выспался.

— Я работал по графику.

— Я не про график. Ты уверен, что звонок был?

Илья посмотрел через стекло на отдельный телефон. Серый аппарат стоял на краю стола, безобидный и немой.

— Я уверен, что слышал женский голос и записал адрес, — сказал он. — Остальное проверяйте отдельно.

— Дипломатично.

— Точно.

Руководитель вернул копию. На ней остался прямоугольный штамп с датой. Илья сфотографировал его прежде, чем убрать лист в папку.

Когда смена закончилась, Татьяна догнала его у турникета.

— До вечера отоспись. На адреса один не ездит. Любая выдача ключа — при двух сотрудниках.

— Это отстранение?

— Это здравый смысл.

— Запишите распоряжение.

— Запишу.

Она протянула ему копию акта о найденном корешке. На нижнем поле её рукой было добавлено: «Камера в период фактической выдачи работала; техническая перезагрузка 01:17–01:23, после выезда сотрудника».

— Вы уже знали про перезагрузку, когда ночью сказали, что камера не работает?

— Я увидела, что индикатор не горит. Поэтому вызвала техника.

— Индикатор сейчас тоже не горит, а камера пишет.

— Теперь мы это знаем.

Татьяна вышла на крыльцо. Утренний дождь превратился в мелкую холодную крупу. Она раскрыла зонт и пошла к парковке, не оглядываясь.

Илья остался под козырьком. В папке лежала копия акта. В телефоне — видео двери, фотографии квартиры, снимок пустой ведомости, кадр чёрного экрана и сообщение Кириллу. В отдельном пакете внутри службы лежал корешок, заполненный его рукой и не подписанный им.

Каждая вещь существовала.

Ни одна не доказывала той ночи, которую он помнил.

## Глава 4. Хозяйка существует

Илья увидел Лидию Мартову раньше, чем она увидела его.

Она стояла под козырьком служебного входа, прижимая к груди прозрачную папку. На ней было прямое серое пальто, слишком лёгкое для холодной крупы, и тёмный платок, завязанный не под подбородком, а на затылке. В одной руке она держала телефон, в другой — паспорт в раскрытой обложке. Каждые несколько секунд женщина поднимала глаза на табличку городской службы, будто проверяла, не ошиблась ли зданием.

Илья уже дошёл до парковки. Ему оставалось сесть в машину, отвезти мокрую папку домой и лечь хотя бы на три часа. Кирилл был в школе, Зоя прислала фотографию закрытой двери класса и сердитую подпись: «Доставлен, не потерян». На вечер в календаре стояла новая смена. Тело требовало закончить эту ночь у первого попавшегося горизонтального края.

Он остановился.

Паспортная фотография в карточке собственницы была сделана лет десять назад, но широкие скулы и короткая складка между бровями совпадали. Женщина у двери и была Лидией Павловной Мартовой — не голосом в трубке, не строкой в базе, не фамилией в акте.

Илья вернулся к крыльцу.

— Лидия Павловна?

Она быстро закрыла паспорт.

— Вы кто?

Он назвал себя и показал служебное удостоверение, не отдавая его в руки. Лидия прочитала фамилию, посмотрела на фотографию, потом снова на его лицо.

— Вы ночью звонили дочери.

— Звонил.

— Сказали, в квартиру входили с полицией.

— Да.

— А теперь меня не пускают внутрь.

Она сказала это без приветствия и без повышения голоса. Илья оглянулся на стеклянные двери. За ними охранник уже принимал новую смену, перекладывал журнал на край стойки. Татьяна в передней комнате не было видно.

— Кто не пускает?

— Ваши. Или не ваши. Я уже не понимаю. На двери бумага, соседка сказала не трогать до участкового. Участковый будет после обеда. Я приехала первым автобусом, а мне предлагают ждать на лестнице.

— Контрольную полосу поставила полиция. До осмотра её действительно лучше не снимать.

— Лучше кому?

Илья не ответил сразу. Лидия убрала паспорт в сумку и вытащила из папки сложенный лист.

— Вот это тоже лучше?

Лист был отпечатан на плотной белой бумаге. Вверху стояло название общества с ограниченной ответственностью «Городской резерв», ниже — крупно: «Предложение о выкупе объекта». Илья не взял документ, пока она сама не протянула.

— Можно посмотреть?

— Я для этого и приехала.

Адрес был её. Площадь, этаж и кадастровый номер совпадали с карточкой квартиры. Предлагалась цена почти на треть ниже средней для этого района, зато расчёт обещали в течение одного рабочего дня. Отдельным абзацем было сказано, что покупатель готов принять на

себя «задолженность, связанную с устранением последствий аварии и обеспечением сохранности пустующего помещения». Сумма задолженности стояла точная: сто восемьдесят семь тысяч четыреста рублей.

Илья перечитал строку.

— Когда вы это получили?

— Вчера в шестом часу вечера. Курьер принёс дочери. Я у неё живу, пока потолок сушат.

— Расписывались за получение?

— Дочь расписалась. Конверт был на моё имя.

— Конверт сохранился?

— Всё сохранилось.

Она раскрыла папку. Внутри лежал коричневый конверт, копия акта о протечке, квитанции, несколько фотографий комнаты с вздутыми обоями и листок из блокнота, исписанный телефонными номерами. Бумаги были разложены по прозрачным файлам. Илья подумал, что Лидия не похожа на человека, которого легко убедить подписать договор до рассвета. Потом вспомнил цену, долг и то, что ночь в чужой квартире меняет любого.

— Почему вы решили, что это связано с нашей службой?

— Я пока ничего не решила. Здесь написано про долг за аварийные работы. Про сумму знали я, управляющая компания и вы. Может, ещё полгорода знало, я не специалист. Но номер вашей службы указан внизу как место, где можно получить подтверждение расчёта.

Илья опустил взгляд. Под реквизитами покупателя действительно стояла строка: «Сведения об аварийном статусе объекта могут быть подтверждены дежурной службой переселения». Номер был общий, дневной.

— Подтверждение долга служба не выдаёт, — сказал он. — Мы размещаем жильцов после аварий и храним запасные ключи, если собственник согласился на хранение. Расчёты ведёт управляющая компания.

— Тогда почему они посылают к вам?

— Не знаю.

Лидия смотрела на него долго, без удивления. Снежная крупа застревала на её платке и таяла тёмными точками.

— Ночью вы говорили увереннее.

— Ночью я сказал, что нахожусь у вашей двери и что полиция вошла в квартиру. Это я видел. Почему там был свет, чайник и кто звонил, я не знаю.

— Вы сказали, что звонила женщина.

— Женский голос назвал ваш адрес. Я не могу подтвердить, откуда звонили.

— Я не звонила.

— Вы готовы повторить это письменно?

Лидия закрыла папку.

— Сначала я хочу попасть домой. Потом буду повторять хоть письменно, хоть на площади.

Охранник за стеклом заметил их и нажал кнопку двери. Илья пропустил Лидию вперёд. На стойке она предъявила паспорт и потребовала вызвать руководителя. Охранник позвонил по внутреннему номеру, выслушал ответ и сказал, что дневной руководитель на совещании.

— Утром он был здесь, — сказал Илья.

— Был. Теперь на совещании.

— Кто принял смену по спорным адресам?

Охранник перевёл взгляд на Лидию и ответил тише:

— Власова ещё не ушла.

Татьяна появилась через минуту. На ней уже было пальто, но шарф оставался распущенным. Она узнала Лидию по имени, не спрашивая паспорт.

— Лидия Павловна, доброе утро. Сожалею, что вам пришлось ехать. Мы как раз готовили уведомление.

— Какое?

— О ночном происшествии. Полиция проверила вашу квартиру, повреждений, кроме двери, не выявлено. До повторного осмотра доступ ограничен.

— Кто был в моей квартире?

— Это устанавливает полиция.

— Ваш сотрудник сказал, что там никого не было.

Татьяна посмотрела на Илью.

— На момент входа людей не обнаружили. Это не значит, что до входа никого не было.

— Я тоже понимаю русский язык, — сказала Лидия. — Кто вызвал вашего сотрудника?

— В этом и состоит предмет внутренней проверки.

— Я не звонила.

— Мы зафиксируем ваши слова.

— Не слова. Факт.

— Факт состоит в том, что вы сообщаете: звонок не совершали. Проверяемый факт — сведения телефонного оператора.

Фраза была почти той же, которой Илья всю ночь удерживал себя от догадок. Услышанная от Татьяны, она показалась ему гладкой крышкой, положенной на ящик.

Лидия достала предложение о выкупе.

— А это какой факт?

Татьяна пробежала лист глазами. Ни название фирмы, ни сумма не изменили её лица.

— Коммерческое предложение частной организации. К городской службе отношения не имеет.

— Здесь ваш телефон.

— Общедоступный номер. Его можно найти на сайте.

— И мой долг тоже на сайте?

— Сумма аварийных работ могла быть указана в документах управляющей компании.

— Могла или была?

— Это нужно выяснять у управляющей компании.

Лидия повернулась к Илье.

— Ночью вы не рассказывали, что здесь все отвечают только за соседний стол.

— Я могу зарегистрировать ваше заявление, — сказал он.

Татьяна сняла пальто.

— Илья, твоя смена закончилась.

— Она пришла по адресу моего выезда.

— Именно поэтому заявление примет сотрудник, который не является участником проверки.

— Кто?

— Дневной специалист.

— Тот, который на совещании?

Татьяна выдержала паузу.

— Пройдёмте в комнату ожидания, Лидия Павловна. Вам принесут бланк.

Комната ожидания находилась за турникетом, рядом с залом, где выдавали направления на временное жильё. Три пластиковых стула были прикручены к полу. На стене висели правила заселения и фотография нового дома, снятая летом, с яркой травой и пустой детской площадкой. Лидия села на край среднего стула, положив папку на колени. Татьяна ушла за бланком.

Илья остался стоять.

— Вы всегда так работаете? — спросила Лидия.

— Как?

— Один говорит, другой отменяет половину сказанного, третий ещё не пришёл.

— Иногда и хуже.

— Это шутка?

— Нет.

Он сел через стул от неё. В коридоре дневные сотрудники здоровались, бросали на него короткие взгляды и проходили дальше. Кто-то уже знал о ночи. Возможно, все.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — сказал Илья. — Вы можете не отвечать мне и дожидаться полиции.

— Полиции я уже всё скажу. Спрашивайте.

Он достал блокнот, открыл чистую страницу и написал дату и время.

— Вы утверждаете, что в период с полуночи до часа ночи не звонили в городскую службу?

— Ни с полуночи, ни раньше, ни позже.

— Каким телефоном вы пользовались вчера вечером?

Лидия назвала номер, тот же, по которому Илья звонил ей ночью. После десяти телефон лежал на зарядке у кровати дочери. Она приняла два звонка: от соседки по дому и от незнакомого мужчины, представившегося консультантом по недвижимости. Мужчина спросил, рассмотрела ли она предложение о продаже. Лидия сказала, что ничего продавать не собирается, и отключилась.

— Время помните?

— Без десяти одиннадцать. Мы смотрели новости, там погода началась.

— Номер сохранился?

Она открыла список вызовов и показала. В 22:51 значился входящий с городского номера. Илья не стал переписывать его молча.

— Разрешите сфотографировать экран?

— Фотографируйте.

— На снимке будет виден ваш номер и другие звонки. Я могу записать только время и последние четыре цифры.

Лидия впервые посмотрела на него не как на часть стойки.

— Запишите. Телефон я покажу полиции целиком.

Он внёс время и четыре цифры в блокнот. Рядом написал: «Показано Л. П. Мартовой на экране телефона; принадлежность номера не установлена». Лидия наклонилась и прочитала строку.

— Вы даже не пишете, что звонил покупатель.

— Он так представился вам. Я этого не слышал.

— Правильно. Пишите дальше.

Она рассказала, что после протечки в квартире меняли часть проводки и сушили стену. Рабочих нанимала управляющая компания. Запасной комплект ключей Лидия передала службе три недели назад, потому что уезжала к дочери и боялась новой течи. Ей выдали расписку с номером пакета сто сорок два. Никому, кроме дочери, второй ключ она не давала. Дочь в квартире после аварии не появлялась.

— Нижний замок меняли? — спросил Илья.

— Нет. Оба старые.

— Верхний открывался запасным ключом, нижний — нет.

Лидия нахмурилась.

— Этого быть не может. На связке два ключа.

— В пакете был один.

— Я сдавала два. И маленький ключ от почтового ящика.

Илья перестал писать.

— В расписке указано количество?

Лидия нашла ещё один файл. На копии акта приёма стояло: «Связка: 3 ключа, бирка собственника, пакет №000142». Под строкой были подпись Лидии и неразборчивая подпись сотрудника службы. Фамилия рядом — Сазонов, тот самый сменщик, который вечером сказал, что ключ у Татьяны.

Ночью в пакете лежал один длинный ключ с круглой головкой. Илья видел его в ладони полицейского. Он видел пустой пакет после вскрытия. Но в акте осмотра количество ключей, кажется, не указали: записали только, что ключ от верхнего замка подошёл.

— Можно копию? — спросил он.

— Берите весь файл.

— Оригинал оставьте у себя. Здесь есть копировальная машина.

— А она не забудет, что копировала?

Илья закрыл блокнот.

— Не должна.

— Очень обнадёживает.

Татьяна вернулась с бланком и дневной сотрудницей Мариной, женщиной с короткой стрижкой и красными следами от очков на переносице. Марина поздоровалась, села напротив Лидии и представилась специалистом по работе с собственниками.

— Илья, дальше я сама, — сказала она.

— В акте хранения указаны три ключа. Ночью полиция вскрыла пакет с одним.

Марина посмотрела на Татьяну.

— В ночном акте это есть?

— Проверим, — ответила Татьяна.

— Я видел один ключ, — сказал Илья. — Это моё наблюдение. Полицейские тоже видели.

— Твоя смена закончилась, — повторила Татьяна.

Лидия положила копию акта поверх пустого бланка.

— Пока он единственный отвечает на вопрос, который я задаю. Пусть сидит.

— Здесь служебное помещение.

— А я собственница, чьи ключи хранились в вашей службе. Один или два из них куда-то делись. Я хочу, чтобы при моём заявлении присутствовал человек, который вскрывал пакет.

— Пакет вскрывала полиция, — сказала Татьяна.

— Тогда человек, который стоял рядом.

Марина подвинула к себе акт хранения.

— Возражений нет. Илья останется свидетелем разговора и не будет сам оформлять заявление.

Это было маленькое решение, но Татьяна отступила. Она встала у стены, скрестив руки.

Марина заполняла бланк медленно. Фамилия, имя, отчество. Паспорт. Адрес. Контактный номер. Лидия диктовала, проверяя каждую цифру. Когда дошли до сути, Марина написала: «Прошу сообщить, на каком основании был использован запасной ключ».

— Не один, — сказала Лидия. — Я хочу знать, где три ключа, которые сдала.

Марина исправила строку.

— И кто находился в квартире до полиции, — добавила Лидия.

— Мы не можем установить это внутренней проверкой, — сказала Татьяна.

— Тогда напишите, что не можете.

Марина написала.

— И что я не звонила.

Татьяна вмешалась:

— Формулировка «звонок не совершала» допустима только со слов заявителя.

— Так и напишите: с моих слов. Я за свои слова распишусь.

Марина вписала фразу без спора. Затем Лидия приложила копию акта хранения и предложение о выкупе. На копировальной машине Илья сделал по два экземпляра каждого листа. Он стоял рядом, пока зелёная полоса света медленно проходила под крышкой, и считал страницы вслух: первая, вторая, оборот конверта, расписка курьера. На каждом комплекте Марина поставила входящий номер. Один отдала Лидии, другой прикрепила к заявлению.

— Мне тоже нужна копия предложения, — сказал Илья.

— Для чего? — спросила Татьяна.

— Приложить к моему объяснению. Оно относится к адресу выезда.

— Коммерческая бумага не объясняет твои действия ночью.

— Она подтверждает, что до звонка собственнице предлагали срочную продажу и использовали сведения об аварии.

— Подтверждает только существование предложения.

— Так и напишу.

Марина сняла третью копию и поставила на ней тот же входящий номер. Татьяна ничего не сказала. Илья убрал лист в свою папку, не фотографируя документы Лидии на личный телефон.

Когда заявление было готово, Лидия прочитала его дважды. В первом абзаце исправила «временно не проживаю» на «проживаю у дочери на время ремонта». Во втором потребовала указать, что не давала согласия на вход кому-либо, кроме аварийных служб при подтверждённой опасности. Внизу приписала от руки: «Прошу сохранить записи камер, журналы выдачи ключей и сведения о телефонных соединениях». Потом расписалась на каждой странице.

— Кто вам подсказал про записи? — спросила Татьяна.

— Никто. Когда у тебя из дома пропадают ключи, быстро начинаешь понимать, что именно вдруг ломается и теряется.

Илья почувствовал, как слова попали в ту часть головы, где всё ещё повторялись немые кадры камеры. Он хотел спросить Лидию, почему она говорит «пропадают», если пока точно известно лишь несоответствие количества. Не спросил. В её заявлении было написано точнее.

Марина зарегистрировала документы в электронной системе. На экране появилась карточка обращения с номером и временем 08:14. Илья попросил распечатать подтверждение. Принтер выплюнул узкую страницу, Марина поставила подпись.

— Ответ в течение тридцати дней, — сказала она.

— Дверь у меня заклеена сегодня, — ответила Лидия. — Не в течение тридцати дней.

— По доступу нужно говорить с участковым. Мы можем направить сотрудника при повторном осмотре.

— Его?

Она указала на Илью.

Татьяна ответила раньше него:

— Нет. До завершения внутренней проверки Илья не будет работать по этому адресу один.

— Значит, вдвоём.

— Решит дневной руководитель.

Лидия собрала папку и встала.

— Тогда найдите его после совещания. Я поеду к участковому и вернусь с ним.

У двери она задержалась рядом с Ильёй.

— Покажите, что вы записали про мой звонок.

Он открыл блокнот. Лидия прочла страницу от даты до последней строки.

— Здесь нет, что я говорила про предложение мужчине.

— Есть время входящего и ваши слова, как он представился. Номер целиком я не переписывал по вашей просьбе.

— Я не просила. Вы сами предложили последние цифры.

Илья вспомнил разговор. Она сказала: «Запишите. Телефон я покажу полиции целиком». Это могло относиться и к полному номеру, и к его варианту. Он уже собирался объяснить, но остановился.

— Вы правы. Я решил, что вы согласились на последние четыре цифры. Нужно уточнить. Лидия достала телефон.

— Записывайте весь.

Он дописал номер, показал строку и попросил поставить рядом инициалы. Она поставила.

— Теперь похоже на документ, — сказала Лидия. — А до этого было похоже на вашу память.

Татьяна стояла в нескольких шагах. Илья не посмотрел на неё.

Они вышли вместе. Холодная крупа сменилась мелким дождём. У крыльца Лидия раскрыла складной зонт, но ветер сразу вывернул один край.

— Я вас подвезу, — сказал Илья. — Участковый пункт по пути.

— Вы после ночной смены.

— Доехать могу.

— Это вы так решили или справку получили?

Он посмотрел на парковку. Машины расплывались за дождём, металлические крыши блестели. За последние полчаса он дважды перечитал одну строку, чуть не записал чужое согласие вместо собственного решения и всё ещё собирался вести.

— Вы правы, — сказал он. — Вызову вам такси за счёт службы.

— Служба разрешила?

— Тогда просто вызову. Заплачу сам.

— Я на автобусе приехала, на автобусе и уеду. Лучше позвоните участковому и скажите, что я еду.

Илья набрал номер из ночного акта. Участковый ответил после долгих гудков, узнал адрес и сказал, что сможет встретить Лидию в одиннадцать прямо у дома. Контрольную полосу до его приезда снимать нельзя. Илья включил громкую связь только после того, как спросил обоих. Лидия сама договорилась о времени и попросила пригласить одного из ночных полицейских.

Когда разговор закончился, она убрала зонт и пошла к остановке под дождём.

— Лидия Павловна.

Она обернулась.

— Предложение о продаже не подписывайте до проверки долга.

— Это совет риелтора?

— Это обычная осторожность.

— А если сто восемьдесят семь тысяч настоящие?

Илья не знал. Для неё эта сумма была не строкой из чужой бумаги. Это были месяцы пенсии её мужа, которого, как значилось в карточке, не стало два года назад; деньги дочери; ремонт, уже начатый в квартире; возможно, единственное жильё.

— Тогда долг никуда не исчезнет от сделки за одну ночь, — сказал он. — Попросите расчёт у того, кто его выставил. По каждой работе, с датой и основанием.

— Уже попросила. Управляющая компания говорит, окончательного расчёта нет.

— Когда попросили?

— Вчера, после курьера.

— Письменно?

— По телефону.

Он хотел продиктовать ей порядок заявления, назвать кабинет и фамилию. Вместо этого спросил:

— Хотите, я запишу адрес приёмной?

— Хочу.

Он написал адрес на отдельном листке, не касаясь её документов. Лидия убрала листок в карман.

— Я не знаю, что вы там ночью слышали, Илья Сергеевич. Но если ещё раз услышите мой голос, сначала позвоните мне.

— Позвоню.

— Не «постараюсь»?

— Позвоню по номеру из карточки и по номеру, который вы сегодня подтвердили.

Она кивнула и ушла.

Илья вернулся в здание только затем, чтобы оставить служебную записку. В передней комнате Татьяна разговаривала с Мариной. Увидев его, обе замолчали.

— Я зафиксирую новые сведения и уйду, — сказал он.

— Какие именно? — спросила Татьяна.

— Собственница предъявила копию акта о передаче трёх ключей. Ночью я видел в пакете один. Ей поступило предложение о выкупе до вызова, сумму долга управляющая компания по её словам пока не подтвердила окончательным расчётом.

— Последнее — с её слов.

— Так и напишу.

Он сел за свободный стол. Новая записка заняла меньше страницы. Илья отделил то, что видел сам, от того, что сообщила Лидия. Указал входящий номер заявления и перечислил приложения. В последней строке попросил сохранить видео передней комнаты с момента её прихода до регистрации документов. Не потому, что ожидал исчезновения Лидии, а потому, что разговор уже начал распадаться на разные версии у него в голове.

Татьяна прочитала записку стоя.

— Ты строишь связь между предложением и звонком.

— Нет. Я ставлю их в порядке времени.

— Курьер пришёл до звонка, если время указано верно. Это ничего не доказывает.

— Согласен.

Она подняла глаза.

— Тогда чего ты добиваешься?

Илья посмотрел на копию предложения. Белая бумага, чёрные буквы, печать фирмы, подпись человека, которого он не знал. Внизу — номер их службы. Рядом лежал акт с тремя ключами. Эти листы не объясняли женский голос, тёплый чайник, порезанную пломбу или его собственный почерк на корешке.

Они объясняли другое: квартира была не пустой клеткой в базе. У неё имелась хозяйка, которая приехала первым автобусом, исправила каждое неточное слово и не собиралась исчезать ради удобной версии.

— Чтобы документы остались документами, — сказал он. — Не моей уверенностью.

Татьяна положила записку на стол.

— Иди спать, Илья.

На этот раз он послушался.

## Глава 5. Домашняя ночь

Илья проснулся оттого, что кто-то трижды повернул ключ в замке.

Он сел на диване, не сразу поняв, где находится. За окном стоял бледный дневной свет. В прихожей шуршала куртка, по полу прокатилось что-то круглое и ударилось о тумбу. Илья нащупал телефон. Было 14:37. Он проспал меньше пяти часов, не раздеваясь, поверх покрывала.

— Это я, — сказал Кирилл из прихожей. — Не стреляй.

— Чем?

— Не знаю. Вдруг у тебя теперь есть табельный степлер.

Кирилл вошёл в комнату в расстёгнутой куртке. Волосы после шапки стояли дыбом, рюкзак висел на одной лямке. Он увидел Илью и остановился.

— Ты правда спал в брюках?

— Получилось случайно.

— Зоя сказала, ты точно не проснёшься к моему приходу.

— Зоя часто ошибается.

Из коридора донёсся её голос:

— Я всё слышу.

Зоя вошла с пакетом продуктов и поставила его на кухонный стол. На ней был пуховик поверх домашнего халата, а на ногах — резиновые сапоги. Значит, она только проводила Кирилла через площадку и всё равно успела купить молоко, хлеб и яблоки.

— Ты почему дверь три раза открывал? — спросил Илья.

Кирилл посмотрел на ключи в руке.

— Она заедает.

— Какой замок?

— Верхний. Какой ещё?

Илья прошёл в прихожую и проверил оба. Верхний поворачивался туго на втором обороте, как всегда во влажную погоду. Нижний работал ровно. Цепочка висела на месте.

— Нормально, — сказал он.

— Я рад, что дверь прошла проверку.

Кирилл снял ботинки и унёс рюкзак к себе. Его комната была бывшим кабинетом Ильи: узкая кровать, стол у окна, книжная полка, на которой папки с договорами уступили место моделям машин и школьным тетрадам. Дверь Кирилл обычно не закрывал. Сегодня прикрыл почти до конца.

Зоя достала из пакета молоко.

— Он со мной не разговаривает, — сказала она тихо.

— Со мной тоже.

— С тобой понятно.

— Спасибо.

— Не за что. Ты ел?

Илья покачал головой. В животе сразу стало пусто, будто организм ждал разрешения. Зоя поставила на плиту кастрюлю с супом, принесённую из своей квартиры.

— Я не просил.

— Поэтому и принесла. Когда просишь, ты выбираешь самое неудобное время.

Он налил воду в чайник и замер, глядя на белый пластик. Чайник Лидии лежал в пакете у полиции. Тёплый, чужой, поставленный в пустой квартире неизвестно кем. Илья выключил свой чайник, хотя вода ещё не закипела.

— Ты ночью уходила? — спросил Кирилл из дверей.

Зоя вздрогнула так заметно, что крышка кастрюли звякнула.

— Куда?

— Не знаю. Я проснулся, тебя не было.

Илья повернулся к ней.

— Когда?

— Я спрашивал не тебя, — сказал Кирилл.

— Я выходила на площадку, — ответила Зоя. — На минуту.

— Двадцать две.

— Ты часы засекал?

— Посмотрел время. Было тринадцать. Потом ещё раз — три тридцать девять.

Зоя сняла крышку, хотя суп ещё не нагрелся, перемешала его и снова накрыла.

— Позвонили из аварийной. Сказали, у меня вода течёт вниз. Я спустилась к соседям.

— Какая аварийная? — спросил Илья.

— Обычная. Женщина сказала, из тридцать восьмой квартиры жалоба на мокрый потолок.

Квартира Зои была тридцать восьмой. Под ней — тридцать четвертая, где жили супруги с маленькой дочерью. Илья знал их только в лицо.

— С какого номера звонили?

— С городского. Я спросонья не смотрела.

— Телефон где?

— Дома.

Илья шагнул к двери.

— Принеси, пожалуйста.

— Суп убежит.

Он выключил конфорку.

Зоя посмотрела на него, потом на Кирилла.

— Я сейчас.

Когда дверь за ней закрылась, Илья спросил:

— Почему ты не позвонил мне?

Кирилл прислонился плечом к косяку.

— Звонил.

— У меня нет пропущенных.

— Потому что не тебе.

— Что значит не мне?

Кирилл достал телефон, открыл список и протянул экран. В 03:21 значился исходящий вызов контакту «Илья», длительность ноль секунд. Сразу под ним — входящий в 03:22, пропущенный. Имя контакта то же.

— Почему один контакт для двух номеров?

— Потому что телефон решил, что это ты.

Илья нажал на сведения. Его личный мобильный заканчивался на сорок семь. Входящий номер был служебным — общий номер ночной диспетчерской, который автоматически определялся на телефоне Кирилла после прежних звонков. Кирилл когда-то сохранил оба номера в одну карточку.

— Ты перезванивал на мой мобильный?

— Нажал твоё имя. Не знаю, куда он звонил. Сразу сбросилось. Потом позвонили от тебя, но я не успел взять.

— Почему не позвонил ещё раз?

— Потому что ты сказал никому не отвечать. Потом Зоя вернулась.

— Я сказал звонить мне в любое время.

— А если звонишь ты, но это не ты, что делать?

Илья взял телефон Кирилла. На экране были две одинаковые строки с его именем, и только внутри карточки различались номера. Для мальчика, проснувшегося один в чужой гостиной, служебный аппарат и дядя оказались одним человеком.

— Давай разделим контакты.

— Потом.

— Сейчас.

Кирилл выдернул телефон из его руки.

— Сначала скажи, почему от тебя звонят, когда тебя нет.

— Служебный номер общий. С него может позвонить любой сотрудник.

— В три двадцать две?

— Диспетчерская работает круглосуточно.

— И зачем любой сотрудник звонил мне?

— Не знаю.

Кирилл ждал продолжения. Илья мог сказать, что это ошибка набора, проверка связи, автоматический вызов. Все три объяснения звучали бы привычно и ничего не объясняли.

— Я выясню, — сказал он.

— Ты всё выясняешь после того, как случилось.

Зоя вернулась с телефоном. В журнале вызовов в 03:12 стоял входящий с номера городской аварийной службы дома. Не диспетчерская Илья. Разговор длился сорок восемь секунд.

— Что именно вам сказали? — спросил он.

— Что снизу поступила заявка, возможно, сорвало шланг на кухне. Попросили проверить краны и спуститься к соседям.

— Назвали вас по имени?

— Зинаидой Петровной.

— Адрес?

— Дом и квартиру. Илья, они звонят жильцам каждый день. Откуда им ещё знать?

— Вы спустились в тридцать четвёртую?

— Да. Долго звонила, потом муж открыл. У них всё сухо. Он сказал, никуда не звонил.

— Вы позвонили обратно?

— Набрала номер. Там музыка, потом девушка сказала, что заявок по нашему дому нет.

— Эта девушка назвала номер вашей квартиры?

— Я сама назвала.

Илья переписал номер с экрана. Он был похож на официальный номер аварийной службы: тот же городской код, те же первые четыре цифры, но последние две стояли в другом порядке. На сайте управляющей компании такой линии не было.

— Вы оставили Кирилла одного и не разбудили его.

Зоя поджала губы.

— Я спустилась на один этаж. Думала, на пять минут.

— Двадцать две.

— Я звонила соседям, потом аварийной, потом встретила сантехника из второго подъезда. Да, двадцать две. Дверь закрыла, ключ взяла.

— Вы обещали не уходить.

— Не надо, — сказал Кирилл.

Илья не услышал или сделал вид, что не услышал.

— Если бы это была настоящая вода, вы должны были разбудить его и взять с собой.

— На один этаж?

— Куда угодно.

— Не надо! — повторил Кирилл громче.

Илья повернулся.

— Что?

— Не ругай её за то, что ты сам делаешь.

Кухня стала очень тихой. Холодильник щёлкнул и загудел. Зоя отвернулась к окну.

— Я не оставляю тебя одного ночью, — сказал Илья.

Кирилл усмехнулся. Не как ребёнок, поймавший взрослого на неточности, а устало.

— Конечно.

— Вчера ты был с Зоей.

— Я не про вчера.

Илья посмотрел на Зою. Она провела пальцем по запотевшему стеклу, оставив короткую прозрачную линию.

— О чём ты? — спросил он.

Кирилл пожал плечами.

— Ни о чём. Ты всё равно скажешь, что я не так помню.

Он вышел из кухни. Через секунду дверь его комнаты закрылась, теперь до конца.

Илья двинулся следом, но Зоя схватила его за рукав.

— Не сейчас.

— Он знает?

— Он помнит.

— Что именно ты ему сказала?

— Ничего.

— Тогда откуда?

— Ему было одиннадцать, не три года. Ты думаешь, если он не назвал дату, значит, ночи не было?

Илья высвободил рукав.

Год назад он уехал на срочную сделку в соседний район. Клиент обещал подписать договор только до полуночи, потом улетал. Оксана уже лежала в реабилитационном центре, Кирилл жил у Ильи вторую неделю и заснул с температурой. Илья оставил телефон на громком звуке, поставил воду рядом с кроватью и попросил Зою заглянуть через час. Сделка растянулась до четырёх утра. Зоя пришла только около двух, потому что уснула перед телевизором. Кирилл проснулся раньше, его вырвало, и он один отмывал пол полотенцем.

Утром температура спала. Илья решил, что вреда не случилось. В анкете для временной опеки на вопрос, оставался ли ребёнок без присмотра ночью, он поставил «нет».

— Мы договорились не обсуждать это при нём, — сказал он.

— Мы договорились, что ты сам поговоришь.

— Когда будет подходящее время.

— Год искал?

— Сейчас точно неподходящее.

— Потому что у тебя проверка?

— Потому что кто-то выманил тебя из квартиры и позвонил Кириллу с моей работы.

Зоя повернулась от окна.

— Именно поэтому подходящего времени уже не будет. Он сидел здесь и не знал, можно ли брать трубку, если на экране твоё имя. А ты опять хочешь сначала всё устроить красиво.

— Я хочу понять, что произошло.

— Понимай. Только не делай вид, что прошлый год к этому отношения не имеет.

Илья снова посмотрел на закрытую дверь. За ней не было ни звука.

— Вы номер никому не давали? — спросил он.

Зоя медленно выдохнула.

— Мой номер есть у управляющей компании, поликлиники, доставки и половины подъезда. Номер Кирилла — у школы и у тебя. Если хочешь спросить, не продала ли я их преступникам, спрашивай прямо.

— Я не это имел в виду.

— Ты всегда имеешь в виду что-то аккуратнее, чем говоришь.

Она выключила плиту, хотя суп так и не закипел.

— Я виновата, что ушла. Должна была разбудить его. Можешь записать и дать мне расписаться. Но если сегодня опять на смену, Кирилл останется у меня только вместе с ключом от моей двери и с договорённостью, что делать при звонке. Не с твоим «никому не отвечайте».

— Сегодня он останется здесь.

— Один?

— Ты будешь у себя. Двери напротив.

— Вчера тоже были напротив.

Илья сел за стол. Хотелось закрыть глаза и продолжить сон с того места, где его прервали ключи. Вместо этого он разложил перед собой два телефона — свой и Зоин — и лист бумаги.

— Хорошо. Сначала звонки.

Они восстановили время по минутам. В 03:12 Зое позвонили. В 03:15 она вышла из квартиры. В 03:17 Кирилл проснулся и увидел, что диван пуст. В 03:21 он попытался позвонить Илье. В 03:22 поступил вызов со служебного номера. Зоя вернулась в 03:37 по своим словам; Кирилл посмотрел на часы в 03:39, когда она уже снимала сапоги. Две минуты расходились, и Илья записал оба времени, не выбирая удобное.

Он открыл историю своего телефона. В 03:21 входящего от Кирилла не было. Значит, телефон выбрал не личный номер, а второй, служебный. Ночной аппарат должен был принять звонок. Илья в это время находился на Железнодорожной или возвращался оттуда. За пультом сидела Лена. Если она увидела вызов Кирилла, почему не сказала? Если не увидела, кто перезвонил через минуту?

Илья набрал диспетчерскую с личного телефона. Ответила незнакомая дневная операторша.

— Мне нужна детализация входящих и исходящих по общему номеру с трёх до трёх тридцати.

— Кто запрашивает?

Он назвал себя.

— Через начальника смены, — сказала операторша. — У нас нет доступа к детализации.

— В журнале есть вызов с номера, заканчивающегося на двенадцать?

— Я не могу искать личный номер по телефону.

— Тогда зарегистрируйте сообщение: в 03:22 с общего служебного номера поступил вызов несовершеннолетнему, находящемуся под моей опекой. Прошу сохранить сведения линии.

Операторша помолчала.

— Это Власовой передать?

— Зарегистрировать в журнале, назвать номер записи и потом передать руководителю.

Слышно было, как она печатает. Илья дождался номера и записал его. Потом отправил то же сообщение с рабочей почты. Текст получился сухим, но слово «несовершеннолетний» стояло там дважды.

— Теперь телефон, — сказал он.

Кирилл не ответил, когда Илья постучал. Он вошёл только после второго предупреждения. Мальчик сидел за столом в наушниках, хотя музыка не играла. На экране ноутбука была открыта школьная задача по геометрии.

— Мне нужно разделить контакты и сменить пароль, — сказал Илья.

— Зачем пароль?

— Тот номер, который отличается от моего одной цифрой, и сегодняшний звонок показывают, что кто-то знает твой телефон. Возможно, знает и простые данные о нас.

— Какой номер отличается?

Илья понял, что не рассказал ему о ночном сообщении. Кирилл перешёл к Зое после письма «от Ильи», но подробности Илья тогда оставил на потом. Он сел на край кровати.

— Вчера тебе написал номер, похожий на мой. Там было сказано идти к Зое. Сообщение отправил не я.

— Но ты же сам велел идти к ней.

— Позже. Я позвонил отдельно.

— Покажи.

Сообщение оставалось в телефоне. Кирилл сравнил цифры и сразу нашёл заменённую.

— Я не заметил.

— Это нормально. Для этого номер и сделали похожим.

— Откуда они знали про Зою?

— Не знаю.

— Это из-за квартиры?

— Возможно.

— Или из-за тебя?

— Возможно.

Кирилл снял наушники.

— Очень полезный разговор.

— Я не хочу придумывать ответ.

— А раньше хотел?

Илья знал, о какой ночи спрашивает мальчик, и всё равно выбрал ближайшую тему.

— Давай сначала защитим телефон.

Кирилл отвернулся к столу, но передал аппарат. Илья создал два контакта: «Илья — личный» и «Диспетчерская — общий». Удалил объединение номеров. Вместе они придумали семейное проверочное слово, которого не было в переписках и документах. Если кто-то звонил от имени Ильи и просил выйти из квартиры, Кирилл должен был спросить это слово, затем положить трубку и сам набрать личный номер. Если личный не отвечал — Зою, потом 112.

— Проверочное слово нельзя менять без разговора лицом к лицу, — сказал Илья.

— Даже если ты напишешь, что поменял?

— Особенно если напишу.

Они сменили код разблокировки телефона. Илья предложил включить передачу местоположения, но Кирилл покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты будешь смотреть каждые пять минут.

— Сейчас это разумно.

— Для тебя всё разумно, если ты можешь следить.

— Речь о безопасности.

— Тогда пусть моё место видит Зоя. Не ты.

Илья почувствовал готовый отказ раньше, чем произнёс его. Пауза длилась достаточно, чтобы Кирилл всё понял.

— Вот, — сказал мальчик. — Ты хочешь, чтобы было безопасно только по-твоему.

— Хорошо. Зоя.

Они настроили передачу для неё. Кирилл сам выбрал, что доступ будет действовать до завтрашнего утра, а не постоянно. Потом открыл контакты и показал экран.

— Всё?

— Ещё одно. Если Зоя выходит, ты идёшь с ней или запираешь дверь и звонишь мне.

— Я могу сам остаться двадцать минут.

— Нет.

— В двенадцать лет нельзя быть одному?

— Ночью — нет.

— А в одиннадцать было можно?

Фраза прозвучала спокойно. Илья сидел рядом, достаточно близко, чтобы видеть маленький белый шрам на Кирилловом подбородке, оставшийся после детского падения. Он мог рассказать всё сейчас: температуру, сделку, воду у кровати, свой расчёт на один час и четыре часа отсутствия. Мог признать, что соврал в анкете. За дверью Зоя гремела посудой, давая им время.

Телефон Илья завибрировал. На экране появилось письмо от службы: его сообщение принято, детали линии будут доступны после согласования с Татьяной Власовой. Следом пришло напоминание о вечерней смене.

— Тогда я ошибся, — сказал он.

— В чём?

— Оставил тебя одного.

— На сколько?

— Дольше, чем собирался.

— На сколько?

Илья посмотрел на письмо, хотя цифры там не изменились.

— Мы поговорим вечером. Мне нужно проверить точное время.

Кирилл усмехнулся тем же взрослым усталым движением.

— Конечно. Без журнала ты не знаешь, уходил или нет.

Он надел наушники. Разговор закончился.

Илья вышел и тихо прикрыл дверь. Зоя поставила перед ним тарелку супа.

— Сказал?

— Начал.

— То есть нет.

— Я не буду обсуждать это за пять минут.

— У тебя был год и ещё четырнадцать минут сейчас.

Он ел молча. Суп остыл, сверху собрались жёлтые кружки жира. Зоя села напротив.

— Ты сообщил в опеку? — спросила она.

— О ложных звонках сообщу, если подтвердится угроза.

— Я про ту ночь.

— Нет.

— А если кто-то другой сообщит?

Илья поднял голову.

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто знает мой номер, адрес, имя и то, когда ты на смене. Тот, кто выманил меня. Ты ведь поэтому спрашивал, что я говорила Кириллу.

— Я спрашивал, потому что он помнит.

— Он помнит. А ещё, возможно, кто-то знает, что ты написал в анкете. Если это твоя начальница, ты отдаёшь ей готовую верёвку.

— Ты думаешь, мне сейчас пойти в опеку и самому сказать, что солгал?

— Я думаю, тебе придётся. Но ты опять будешь ждать, пока появится идеальный документ и удобный час.

Илья отодвинул тарелку.

— Если я сообщу сейчас, Кирилла могут временно забрать.

— Если сообщит другой человек, тоже могут. Только тогда к ночи добавится твоя ложь.  
— Ты готова взять его к себе официально?

Зоя побледнела, но ответила сразу:

— Если понадобится — да. Хотя я не его мать и не молодая. Но не используй это как угрозу, будто вся ответственность лежит на мне.

— Я не угрожаю.

— Ты проверяешь, есть ли запасной адрес. Как в своей службе.

Илья встал и отнёс тарелку в раковину. На холодильнике магнитом была прикреплена школьная фотография Кирилла. За ней лежала памятка опеки с телефонами куратора и дежурной службы. Илья вынул памятку, прочитал фамилию куратора и вернул на место.

Позвонить он не смог.

Вместо этого сфотографировал журналы вызовов на телефонах Кирилла и Зои с их разрешения. Отправил снимки себе и на рабочую почту. Составил короткую запись времени. Позвонил в управляющую компанию и получил номер заявки: ложный вызов по квартире Зои будет проверен, исходящих с официальной линии в 03:12 не зарегистрировано. Попросил сохранить данные. Затем сменил пароль от своей рабочей почты и личного облака.

Пароль от служебной системы изменить не удалось. На экране появилось сообщение: «Обратитесь к администратору». Илья сделал снимок и закрыл ноутбук.

К пяти вечера за окном стемнело. Дождь превратился в туман, фонари висели в нём мутными кругами. Кирилл вышел из комнаты в толстовке и поставил на стол пустую кружку.

— Я могу сегодня спать дома? — спросил он.

— Да.

— Зоя будет у себя?

— Да. Двери закрыты. Если ей снова позвонят, она никуда не пойдёт без тебя или без настоящей аварийной бригады.

— А ты?

— На смене.

— Если позвонят от твоего имени?

— Проверочное слово, потом перезваниваешь на личный.

— А если ты его забудешь?

— Тогда никуда не выходишь.

Кирилл кивнул. Он принял правила, но не простил ничего из того, ради чего они понадобились.

У двери Илья проверил замки ещё раз. Кирилл стоял рядом.

— Три раза поверни, — сказал он.

— Верхний два.

— Я знаю. Третий — чтобы проснуться.

Илья надел куртку.

— Про прошлый год поговорим утром.

— Ты и утром после смены спишь.

— Сначала поговорим.

— Запишешь в календарь?

Он достал телефон, создал событие на восемь утра и показал экран. Кирилл прочитал: «Разговор с Кириллом». Без темы.

— Очень точно, — сказал он.

Илья дописал: «О ночи, когда я оставил тебя одного». Сохранил и снова показал.

Кирилл ничего не ответил.

На лестничной площадке Зоя уже ждала у своей двери. В руке она держала связку ключей и лист с номерами, который они составили вместе. Илья передал ей копию времени звонков.

— Если что-то случится, звоните 112, потом мне. Не в диспетчерскую.

— Поняла.

— И не выходите на проверку одна.

— Поняла с первого раза.

Он спустился на один пролёт и услышал, как Кирилл закрывает дверь. Первый оборот. Второй. Пауза. Потом ключ повернулся ещё раз вхолостую, до упора.

Третий — чтобы проснуться.

Илья стоял между этажами, пока за дверью не звякнула цепочка. Потом пошёл на работу, унося в кармане телефон с напоминанием, которое не мог удалить незаметно даже для себя.

## Глава 6. Второй пустой адрес

В диспетчерской пахло горелым хлебом.

Илья почувствовал запах ещё у турникета и остановился. Охранник заметил его взгляд, вынул из-под стойки тарелку с двумя чёрными ломтиками и виновато улыбнулся.

— Тостер новый. Пружина заела.

Илья потрогал стену рядом с розеткой, проверил, выключен ли прибор, и только потом расписался в журнале. Охранник смотрел с любопытством.

— Ночь тяжёлая была?

— Обычная.

— У вас теперь обычные с полицией?

Илья ничего не ответил.

Татьяна сидела за своим столом, хотя её дневное дежурство давно закончилось. Перед ней лежала распечатка его сообщения о звонке Кириллу. Лена принимала линии за стеклом и не подняла глаз, когда Илья вошёл.

— Ты опоздал на три минуты, — сказала Татьяна.

— У турникета проверял тостер.

— Риелторы теперь проверяют тостеры?

— Если пахнет дымом.

Он снял куртку и посмотрел на шкаф ключей. На дверцах появились две бумажные пломбы с датой и подписями дневного руководителя и охранника. Замочная скважина была закрыта прозрачной наклейкой.

— Распоряжение о двух сотрудниках готово? — спросил Илья.

Татьяна протянула лист. До окончания внутренней проверки выдача ключей по ночным адресам допускалась только в присутствии оператора или охранника. Илья расписался за ознакомление, поставил время и сфотографировал свою строку.

— Детализацию общего номера запросили, — сказала Татьяна. — Ответ будет не раньше завтра.

— В журнале есть звонок Кирилла?

— В электронном нет.

— Исходящий через минуту?

— Тоже нет.

— Кто работал с отдельным аппаратом?

— Никто. Он не используется для исходящих.

— Ночью с него звонили.

— Это показывает телефон мальчика. Линия пока не показывает.

Илья услышал собственные вчерашние слова в её ответе и положил сумку под стол.

— Лена видела входящий?

— Спроси её.

Лена сняла наушник, когда он подошёл.

— В три двадцать один тебе звонил Кирилл.

— Я не видела.

— Аппарат мог звякнуть один раз.

— Здесь шесть линий. Всё звякает.

— Кто-нибудь подходил к серому телефону, пока я был на Железнодорожной?

— Не помню.

Она произнесла это слишком быстро, но Илья не стал дожимать. Память нельзя было сделать надёжнее громкостью вопроса.

В 22:18 пришёл обычный вызов из дома на Каштановой: в подвале прорвало трубу, жильцов первого этажа требовалось временно разместить. Илья оформил две семьи, каждый ключ выдал при охраннике и заставил того расписаться не только в ведомости, но и на корешках. В 23:40 вернулся, разложил документы и позвонил домой.

Кирилл ответил на третьем гудке.

— Проверочное слово, — сказал он вместо приветствия.

Илья назвал.

— Тогда нормально.

— Зоя дома?

— У себя. Я вижу свет под дверью.

— Никто не звонил?

— Два раза ты.

— Я звоню первый.

— Сейчас первый. До этого был робот из банка.

— Уроки сделал?

— Это тоже проверочное слово?

Кирилл отключился, но Илья успел услышать, как включается чайник. Дом существовал без его наблюдения, и это одновременно успокаивало и пугало.

В 00:31 серый аппарат зазвонил.

Не внутренний телефон, не одна из линий за стеклом. Тот самый отдельный аппарат из первой ночи подал длинный дребезжащий сигнал. Илья сидел в двух шагах. Лена подняла голову. Татьяна вышла из архива и тоже услышала.

— Не трогай, — сказала она.

Аппарат звонил второй раз.

— Почему?

— Сначала камера и свидетели.

Татьяна достала телефон, включила видео и навела на стол. Лена вышла из операторской. Охранника вызвали кнопкой. Только когда все трое встали вокруг, Татьяна кивнула.

Илья поднял трубку и включил громкую связь.

Сначала было слышно дыхание. Потом мужской голос сказал:

— В квартире дым. Она опять оставила плиту.

— Назовите адрес.

— Речная, семь, квартира шестнадцать.

— Как вас зовут?

— Сосед.

— Из какой квартиры?

— Вы быстрее можете? Там женщина одна.

— Вы видите дым или чувствуете запах?

— Чувствую. Из-под двери идёт.

Илья записывал каждое слово на чистом листе. Татьяна держала в кадре его руки и часы на стене.

— Отойдите от двери и звоните 112, — сказал он. — Мы тоже вызываем пожарных. Не входите сами.

— Ключ у вас.

Связь оборвалась.

На этот раз звонок остался на экране внутренней системы: входящий, 00:31:14, номер не определён. Лена сразу сделала снимок экрана. Илья набрал 112 со своего телефона, назвал адрес, время и дословное содержание сообщения. Оператор спросил, есть ли люди внутри.

Татьяна ответила раньше него:

— Собственница умерла в августе. Квартира опечатана до оформления наследства. Илья посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете адрес?

— Карточка открыта у Лены.

На мониторе действительно была карточка: собственница Антонина Сергеевна Барышева, статус «временно пустует», примечание об отсутствии доступа наследника. Дата смерти в открытом окне не отображалась.

— Наследник Олег Барышев живёт в Заречье, — продолжила Татьяна оператору. — Его телефон есть в базе.

— Откуда фамилия наследника? — спросил Илья, когда вызов приняли.

— Такая же, как у собственницы.

— Имя и район?

— Я разбирала обращения по квартире.

Татьяна уже открывала шкаф. Охранник проверил пломбы, записал время. В пакете по Речной лежали два ключа. Илья пересчитал их вслух и расписался вместе с Леной.

— Я еду с тобой, — сказала Татьяна.

— У вас смена закончилась.

— Зато распоряжение действует.

Пожарная машина пришла раньше них. Во дворе мигали синие огни, жильцы стояли под дождём в халатах и куртках. Из подъезда выводили женщину с маленькой собакой. Дыма снаружи не было видно, но на лестнице пахло подгоревшим маслом.

Квартира шестнадцать находилась на третьем этаже. Дверь была опечатана бумажной полосой нотариуса. Пожарный сфотографировал её, разрезал и велел всем отойти. Первый ключ открыл нижний замок, второй — верхний.

В прихожей было темно. Запах шёл с кухни. На электрической плите краснел один круг, на нём стояла пустая сковорода. Ручка уже начала плавиться. Пожарный выключил автомат в щитке и открыл окно.

Людей в квартире не было.

Илья остался у порога. Татьяна стояла рядом и снимала происходящее на служебный телефон. На полу в прихожей лежал свежий рекламный буклет продуктового магазина. Рядом — тонкая полоса грязи от обуви. Старые следы или сегодняшние, определить было невозможно.

— Кто включил плиту? — спросил пожарный.

— Квартира считается пустой, — ответила Татьяна.

— Я вижу. Кто имеет ключи?

— Служба и наследник, если у него сохранился комплект.

— Наследник доступа не получал, — сказала она через секунду. — Квартира в спорном наследстве.

Илья повернулся к ней.

— Вы и это помните?

— Илья, не сейчас.

Пожарный записал их фамилии. Сковороду упаковали после остывания, положение регулятора сняли крупным планом. Электрик проверил плиту: самопроизвольного включения он не обнаружил. Илья попросил внести эту фразу в акт только после осмотра, и пожарный раздражённо сказал, что знает свою работу.

На лестнице появился мужчина лет тридцати пяти в спортивной куртке поверх рубашки. Он поднялся бегом, увидел открытую дверь и побледнел.

— Я Барышев. Что случилось?

— Олег Викторович? — спросила Татьяна.

Мужчина кивнул.

— Откуда вы узнали? — спросил Илья.

— Мне позвонили. Сказали, квартира матери горит.

— Кто?

— Какая-то женщина из городской службы.

Татьяна опустила телефон.

— Наша операторская вам не звонила.

— Мне всё равно, чья операторская. Что с квартирой?

Пожарный объяснил про включённую плиту. Олег прислонился к стене.

— Там электричество должны были отключить.

— Кто должен?

— Управляющая. После похорон я подал заявление. Мне сказали, пока документы не оформлены, лучше обесточить.

Электрик проверил щиток. Автомат квартиры был подписан карандашом, но пломбы на нём не стояло. Отключали ли его раньше, подтвердить на месте никто не мог.

— Ключи у вас есть? — спросил Илья.

— Один комплект. У нотариуса в сейфе.

— Когда вы последний раз были внутри?

— В сентябре, с оценщиком.

— Сегодня сюда приезжали?

— Нет.

Олег достал телефон и показал входящий в 00:38. Номер был скрыт. Сразу под ним лежало непрочитанное письмо. Он открыл его при всех.

Тема: «Решение по квартире на Речной». Во вложении находился договор предварительной продажи. Покупателем выступало не «Городской резерв», а фирма «Новый квартал». Цена была ниже рынка почти на сорок процентов. В сопроводительном тексте обещали принять расходы по долгам, охране и восстановлению после происшествия. Документ был отправлен в 00:26 — за пять минут до звонка о дыме.

— Мне уже звонили из этой фирмы днём, — сказал Олег. — Предлагали продать до наследства через соглашение. Я послал их к нотариусу.

— Они знали, что вы наследник? — спросил Илья.

— Конечно. Поэтому и звонили.

— Откуда узнали?

— Не спрашивал.

Татьяна вернула ему телефон.

— Наследственное дело открыто?

— Завтра только подаю заявление. Сегодня справку получил.

Илья посмотрел на неё. Татьяна уже ночью назвала Олега наследником, его имя и район, хотя формально дело ещё не открыли.

— Вы говорили со службой раньше? — спросил он.

— В сентябре. Оставил номер, чтобы меня вызвали, если авария. Но тогда никто не знал, буду ли я вступать. Есть ещё сестра.

— Кто принимал номер?

Олег пожал плечами.

— Женщина. Кажется, начальница.

Татьяна не изменилась в лице.

— Я принимала обращение после смерти собственницы. Вы представились сыном и сказали, что занимаетесь квартирой.

— Возможно.

— Значит, источник сведений понятен, — сказала она Илье.

Понятным было только то, что Олег когда-то говорил с ней. Он мог назвать район, сестру, намерение заняться документами. Мог не назвать. Записи разговора перед ними не было.

Илья попросил Олега не пересылать письмо никому из службы, а сохранить оригинал и показать полиции с техническими заголовками. Затем поправился:

— Это рекомендация. Решать вам.

— А квартиру кто закроет?

Пожарные разрешили поставить новую контрольную полосу после осмотра. Илья вернул оба ключа в пакет при Татьяне и Олеге, записал номера и попросил каждого расписаться на отдельном листе. Олег потребовал копию. Татьяна принесла из машины переносной принтер, которым служба пользовалась при заселении семей, и распечатала три экземпляра.

— Очень предусмотрительно, — сказал Олег.

— После прошлой ночи, — ответила она.

На обратном пути Татьяна вела машину. Илья держал пакет с ключами на коленях, чтобы он оставался в поле камеры на панели. Дождь скользил по стеклу серебряными нитями.

— Вы знали фамилию, имя, район и то, что доступ наследнику не дали, — сказал он.

— Потому что работаю здесь одиннадцать лет и читаю карточки.

— В открытой карточке не было имени.

— Было во вложениях.

— Вы не открывали вложения.

— Открывала раньше.

— Когда?

— В сентябре.

— И запомнили район.

— Да.

— А звонок Кириллу не помните.

Татьяна перестроилась в правый ряд.

— Я не обязана одинаково помнить всё, что удобно тебе.

— Кто знал адрес моей квартиры и номер Кирилла?

— Адрес указан в личном деле. Номер ты сам оставил как дополнительный контакт, когда оформлял пропуск племяннику на новогодний праздник.

Илья этого не помнил. Но праздник был: сотрудники приводили детей, Кирилл потерял бумажный браслет, охрана звонила Илье. Номер действительно мог остаться в заявке.

— У кого доступ к личным делам?

— У кадров, руководства и администратора. Не только у меня.

— А к карточке Барышевой?

— У всей смены.

Она отвечала так, будто заранее составила список.

— Договор отправили до звонка о дыме, — сказал Илья.

— Это устанавливает время в письме, если Олег его не изменил.

— Зачем ему менять?

— Не знаю. Я не обвиняю его. Я говорю, что мы видели экран, а не сервер отправителя.

Илья замолчал. Любая его фраза возвращалась тем же лезвием: видел, слышал, предполагаешь. Татьяна пользовалась точностью как замком, к которому ключ был только у неё.

В диспетчерской пакет опечатали заново. На этот раз Илья не выпускал корешок из пальцев, пока не заполнил его при камере и не поставил подпись. Лена подписалась второй. Охранник снял общий план. Запись о звонке оставалась в журнале, но номер источника по-прежнему не определился.

Илья составил объяснение. Мужской голос сообщил о дыме. Пожарные обнаружили включённую плиту. Олег показал письмо с договором, время на экране — 00:26. Татьяна назвала его имя до приезда, объяснив это прежним обращением. Ни одной строки о схеме, сговоре или поджоге.

В 03:10 Олег прислал на служебную почту номер полицейского заявления и короткую фразу: «Оригинал письма сохранён». Илья распечатал сообщение и приложил к акту.

Татьяна поставила подпись свидетеля.

— Теперь у тебя два пустых адреса, — сказала она.

— У меня два звонка.

— И два собственника, которым предлагают продать.

— Это вы сказали.

Она улыбнулась.

— Учишься.

Илья посмотрел на серый аппарат. После звонка он снова стал обычным пластиком, покрытым мелкими царапинами. В журнале появилась строка. В квартире осталась обгоревшая сковорода. На сервере чужой фирмы должно было остаться письмо. Ночь наконец оставила больше одного следа.

Но Татьяна знала фамилию человека, который ещё не стал наследником по документам.

Илья записал это не как доказательство, а как вопрос, на который она уже приготовила ответ.

## Глава 7. Начальница помнит

К восьми утра дождь перестал, но окна диспетчерской остались серыми, будто ночь не ушла, а только отступила за стекло. Лена сдала линии дневной смене и надела пальто поверх формы. Охранник унёс в архив копию акта по Речной. Илья проверил, что пакет с двумя ключами стоит в шкафу под новой полосой с тремя подписями, и сфотографировал уже не сам шкаф, а общий вид комнаты: часы, дежурного, закрытую дверцу. На снимке было видно время. Ничего больше снимок не доказывал.

В телефоне горело напоминание: «Восемь. Не врать Кириллу».

Он позвонил племяннику. Ответила Зоя.

— Он в ванной. Через двадцать минут выходить. Ты едешь?

Илья посмотрел на Татьяну. Она стояла у принтера и складывала листы ночного отчёта в синюю папку.

— Да. Только сдам смену.

— Без только, Илюша. Или едешь, или нет.

— Еду.

— Тогда чай поставлю.

Он убрал телефон. Дневной риелтор Роман уже принимал ключи и ворчал, что после новых распоряжений ему придётся собирать свидетелей даже ради пустой комнаты в общежитии. Илья передал ему два текущих заселения, назвал семьи и номера временных квартир. О Мартовой и Барышеве сказал только то, что было в журнале. Роман слушал вполуха, пока не услышал фамилию Татьяны.

— А ты с ней Речную открывал? — спросил он.

— При пожарных.

— Тогда всё нормально. Она каждый ключ по номеру помнит.

— Каждый?

— Почти. Я у неё однажды спросил про пакет с Полевой через полгода. Она сказала, на нижней полке за зелёной коробкой. Там и лежал.

Татьяна подняла голову от папки.

— Потому что ты его не на место положил.

Роман засмеялся. Для него это была старая служебная шутка: начальница помнит, подчинённый теряет, порядок восстанавливается. Илья тоже когда-то так думал. Память Татьяны казалась частью здания, как запасной генератор и часы над операторами. Теперь он видел другое: она помнила ровно то, чему могла дать безопасное объяснение.

Он застегнул куртку.

— Илья, задержись, — сказала Татьяна. — На пять минут.

— У меня разговор дома.

— Этот разговор касается дома.

Роман отвернулся к ведомости. Дневные операторы заняли места, и комната быстро наполнилась голосами. Татьяна кивнула в сторону архива.

— Здесь или при свидетеле, — сказал Илья.

— Как хочешь. Позови Лену.

Лена уже стояла у двери с сумкой на плече. Услышав своё имя, она остановилась, но Татьяна добавила:

— Хотя нет. Ей после смены надо домой. Разговор личный.

— Тогда здесь.

Татьяна не спорила. Она положила синюю папку на край стойки и достала из кармана маленький чёрный телефон. Не служебный смартфон, которым снимала выдачу ключей, а ста-

рый аппарат с потёртыми кнопками. Такие телефоны держали заряд неделями и обычно покупали детям или пожилым родителям.

— Ты спрашивал, почему я помню одни вещи и не помню другие, — сказала она.

— Я спрашивал про звонок Кириллу.

— А я хочу показать, что именно помню.

Она включила телефон. Экран засветился бледно-зелёным. Татьяна открыла список файлов, нашла запись без названия и положила аппарат на стойку. Перед тем как нажать кнопку, она посмотрела на Илью.

— Это твой голос?

Из маленького динамика донёсся шорох. Затем заговорил он сам — быстрее и выше, чем слышал себя изнутри.

«Зоя Петровна, простите, что так поздно. Вы можете зайти к Кириллу? Я застрял на сделке, он уснул, дверь закрыл. Я буду максимум через час».

В ответ прозвучал голос Зои, глухой от помех:

**«Ты где?»**

«На другом конце города. Я обещал клиентам закончить сегодня».

**«Илья, ребёнок один?»**

Пауза в записи длилась меньше секунды. Сейчас она показалась длиннее всей прошлой ночи.

«Он спит. Ему одиннадцать. Просто проверьте, пожалуйста. Я уже еду».

Запись оборвалась.

Илья не сразу понял, что держит ладонь на краю стойки. Пластик впился в пальцы. День той сделки вернулся не картинкой, а отдельными предметами: мокрый зонт клиента в прихожей, папка с договором, разряженный телефон, красные цифры на табло банкомата. Он сказал себе, что Кирилл уже большой. Потом попросил Зою зайти. Потом вернулся не через час, а почти через три.

— Откуда это у вас?

— Вопрос неправильный, — сказала Татьяна. — Сначала скажи: голос твой?

— Мой.

— Ты оставил ребёнка одного?

— Да.

Слово вышло тихим, но дневной оператор у ближней линии всё равно оглянулся. Илья не понизил голос сильнее.

— На сколько?

— Почти на три часа.

Татьяна выключила экран.

— В анкете опеки ты написал, что после травмы сестры Кирилл ни разу не оставался ночью без взрослого.

— Вы читали мою анкету?

— Ты сам принёс справку работодателю. Кадры хранят копию.

— В справке нет ответов анкеты.

— Значит, рассказал тогда сам. Ты много говорил. Тебе хотелось, чтобы все знали, какой ты надёжный.

Он вспомнил кабинет кадров, стакан остывшего кофе, поздравления коллег. Не вспомнил, чтобы обсуждал анкету с Татьяной. Но это уже не имело значения: она знала точную формулировку.

— Откуда запись?

— Ты звонил с общего номера диспетчерской.

— Зое на мобильный. Исходящие разговоры на общем номере не пишутся.

— Сейчас не пишутся. Тогда подрядчик на неделю включал запись всех линий после жалоб на пропущенные заявки.

— И вы сохранили одну себе.

— Сохранила служебный фрагмент. Ты ушёл со смены на частную сделку, не оформил замену и использовал рабочий телефон.

Это тоже было правдой, хотя не всей. Татьяна отпустила его тогда раньше, сказав, что дневной риелтор задержится. Замену в таблице отметили задним числом. Илья не стал говорить об этом: её разрешение не делало Кирилла старше и не закрывало дверь квартиры изнутри.

— Почему не передали руководителю год назад?

— Потому что ты вернулся, с ребёнком ничего не случилось, а служба не потеряла клиента. Я дала тебе исправить ошибку.

— А теперь?

Татьяна убрала телефон в карман.

— Теперь ты второй день мешаешь работе. Допрашиваешь операторов, советуешь собственникам не передавать документы службе, видишь заговор в каждой опечатке. Если продолжишь, мне придётся объяснить руководству, почему твоя оценка событий может быть ненадёжной. И почему человеку, который оставлял ребёнка ради частной сделки, не стоит доверять ночные ключи.

— Вы отправите запись в опеку.

— Если меня спросят, я не стану скрывать.

— Вас не спрашивали.

— Пока.

Она не повышала голос. Рядом звонили линии, принтер выплёвывал листы, дневной охранник принимал пост. Любой мог услышать отдельную фразу, но весь разговор принадлежал только им двоим. Татьяна выбрала открытое место не хуже закрытого: свидетелей было много, и ни один не слушал с начала.

— Что значит «продолжишь»? — спросил Илья.

— Перестанешь устраивать самостоятельное расследование. По Маяковского и Речной есть полиция, пожарные, руководство. Ты сдаёшь документы и выполняешь распоряжения.

— А вопросы о ключах?

— Задаёшь по работе. Без намёков, будто я что-то подменила.

— Звонок Кириллу тоже не обсуждать?

— Обсуждай с оператором связи. Я его не делала.

— Вы знаете, кто делал?

— Нет.

— А кто отправил договор Олегу?

— Нет.

— Кто включил плиту?

— Нет.

— Но запись годичной давности у вас в кармане.

Татьяна чуть наклонила голову.

— Именно. Я храню то, что имеет отношение к службе.

— На личном телефоне без описи.

Впервые за разговор она посмотрела не на него, а на оператора за стеклом. Только на мгновение.

— Телефон служебный резервный.

— Тогда у него есть инвентарный номер.

— Илья, ты опять выбираешь не тот вопрос.

— Нет. Я наконец выбираю вопрос, ответ на который можно проверить.

Татьяна взяла синюю папку.

— Проверь. И заодно подумай, как будешь объяснять запись инспектору опеки. Я могу отправить её сегодня. Могу приложить служебную записку о твоём поведении после двух ночей без сна. Могу ничего не делать, если ты вернёшься к работе.

— Это условие?

— Это последствия.

— Скажите прямо. Я не задаю вопросов о ключах — вы не отправляете запись.

— Я сказала достаточно прямо.

Она пошла к кабинету. Илья достал свой телефон и посмотрел на экран записи диктофона. Он не включал его. Даже если бы включил, Татьяна говорила так, чтобы каждая угроза отдельно выглядела заботой о службе и ребёнке.

— Татьяна Андреевна.

Она остановилась.

— Я всё равно поговорю с Кириллом.

— Это давно следовало сделать.

— И сам сообщу опеке.

Татьяна повернулась медленно. На её лице не было испуга, только внимательность, с которой она смотрела на неправильно вставленный ключ.

— Не горячись. Добровольное признание не отменяет нарушение.

— Знаю.

— Кирилла могут временно забрать.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты никогда не жил в центре и не ждал, пока взрослые решат, достаточно ли ты удобный ребёнок.

Это прозвучало не как приготовленная фраза. Илья знал, что Татьяна выросла у тёти, но подробностей она не рассказывала. На секунду ему захотелось увидеть в её предупреждении только опыт и страх за Кирилла. Потом он вспомнил письмо, отправленное до дыма, и запись в старом телефоне.

— Поэтому вы храните чужие ошибки? Чтобы решать, когда ими воспользоваться?

— Поэтому я знаю цену красивым признаниям. Сначала люди освобождают совесть, потом дети расплачиваются за их честность.

— А если молчать, расплачиваются за ложь.

— Иди домой. Поспи. До следующей смены ничего не предпринимай.

Она закрыла дверь кабинета.

Илья вышел на улицу. Воздух пах мокрым асфальтом и выхлопом первых автобусов. Он дошёл до остановки, пропустил свой маршрут и позвонил в отдел опеки. Автоответчик сообщил часы приёма. До открытия оставалось сорок минут. Илья мог оставить сообщение, но не хотел превращать признание в голос без собеседника. Он поставил новое напоминание на десять и сел в следующий автобус.

Дома Зоя открыла сразу. На ней был клетчатый халат, в руке — кружка. Кирилл сидел на кухне в школьной рубашке и ел бутерброд, не глядя на Илью.

— У нас двенадцать минут, — сказал он. — Потом автобус.

— Хватит.

Зоя поставила перед Ильёй чай.

— Я останусь.

— Оставайтесь, — сказал Илья.

Он сел напротив Кирилла. За окном дворник толкал воду к решётке длинной щёткой. Обычное утро не давало времени подобрать правильные слова.

— Год назад я ушёл на сделку, — начал Илья. — Ты остался один. Я сказал себе, что вернусь через час. Вернулся почти через три. Зое позвонил уже после полуночи.

Кирилл отложил бутерброд.

— Я знаю, сколько тебя не было.

— Я знаю, что ты знаешь. Я должен был сказать это вслух.

— Зачем сейчас?

— Потому что при оформлении опеки я написал, что не оставлял тебя ночью одного. Это была ложь.

Зоя шумно поставила кружку на стол.

— В анкете так и написал?

— Да.

— Ты мне говорил, что указал тот случай.

— Я сказал, что всё объяснил. Не объяснил.

Кирилл посмотрел на Зою, потом снова на него.

— И что будет?

— Я сегодня позвоню инспектору и скажу сам. Они могут начать проверку. Могут решить, что тебе пока лучше жить в другом месте.

— У кого?

— Не знаю. Сначала, наверное, спросят тебя и Зою. Я не буду обещать, что ничего не изменится.

— А почему ты вдруг решил стать честным?

Илья мог сказать: потому что Татьяна шантажирует. Тогда признание снова стало бы способом защитить себя, а Кирилл — частью ночного спора в диспетчерской.

— Потому что должен был раньше. И потому что запись того звонка сохранилась у другого человека. Её могут отправить в опеку.

— То есть тебя поймали.

— Да.

Кирилл кивнул, словно получил ожидаемый ответ.

— Кто сохранил?

— Начальница.

— Та, которая знает адреса?

— Да.

— И она сказала молчать про звонки?

Илья посмотрел на Зою. Та не вмешивалась.

— Она сказала прекратить задавать вопросы о ключах, иначе расскажет про ту ночь.

— А ты прекратишь?

— Нет.

— Тогда меня заберут из-за твоих вопросов?

Вопрос был точным и несправедливым только на первый взгляд. Илья хотел разделить причины: его ложь была старой, Татьянина угроза — новой, ключи принадлежали службе. Для Кирилла всё сходило в одной точке: взрослый снова решал, чем рискнуть, и называл это необходимостью.

— Проверка начнётся из-за того, что я сделал и скрыл, — сказал Илья. — Но время выбираю сейчас, потому что мной пытаются управлять. Это тоже правда.

— Значит, если бы она не нашла запись, ты бы не сказал.

— Возможно, не сегодня.

— Ты вчера обещал сегодня.

— Да. Но вчера запись мне ещё не показывали.

Кирилл встал и взял рюкзак.

— Очень удобно получилось.

Зоя преградила ему дорогу не рукой, а стулом, который отодвинула от стола.

— Автобус через семь минут. Сядь ещё на две.

— Зачем?

— Чтобы решить, где ты будешь после школы. Это касается тебя прямо сегодня.

Кирилл остался стоять.

— У вас.

— Хорошо. Я встречу. Илья?

— Я согласен.

— Не просто согласен. Ты позвонишь мне после разговора с инспектором. Без версии для ребёнка и версии для соседки.

— Позвоню.

Кирилл надел куртку.

— Телефон можешь не проверять. Я сам напишу Зое, когда доеду.

Илья почувствовал привычное желание спросить про заряд, маршрут и одноклассника, с которым тот поедет. Не спросил.

— Хорошо.

У двери Кирилл задержался.

— Та запись — где ты звонишь Зое?

— Да.

— Там слышно, сколько я был один?

— Нет. Только что я обещал приехать через час.

— Тогда откуда они узнают про три?

— От меня.

Кирилл посмотрел ему в лицо, будто проверяя, не изменится ли ответ.

— Вот это и скажи.

Они ушли с Зоей. Илья остался на кухне. На столе лежала корка хлеба, в прихожей сохли три пары мокрой обуви, а за стеной сосед включил новости. Дом не развалился после признания. Он просто стал местом, где теперь нельзя было притворяться, будто прошлой ночи не существовало.

В десять Илья дозвонился инспектору Марине Евгеньевне. Он назвал номер дела и сказал, что должен исправить сведения в анкете. Она попросила приехать к двум часам с паспортом и письменным объяснением.

— Это связано с нынешними условиями проживания ребёнка? — спросила она.

— С тем, что было год назад. Сейчас он не остаётся один. Сегодня после школы будет у соседки, которая указана как доверенное лицо.

— Почему сообщаете только сейчас?

— Потому что соврал при заполнении анкеты. И потому что третье лицо угрожает передать запись того случая, если я не прекращу задавать вопросы по работе.

На другом конце стало тихо.

— Не смешивайте в объяснении два обстоятельства. Сначала подробно опишите, что сделали вы. Отдельно — кто, когда и при каких свидетелях предъявил запись. Сам файл у вас есть?

— Нет.

— Тогда не утверждайте, что это запись всей беседы. Пишите, что слышали фрагмент. Кто третье лицо?

Илья назвал Татьяну.

— Приходите к двум. До решения ребёнок остаётся по месту проживания, если нет непосредственной угрозы. Но я должна буду проверить условия и поговорить с ним.

— Сегодня?

— Возможно. Это не наказание, Илья Сергеевич. Нам нужно понять, безопасно ли ему сейчас.

Он записал каждое слово. После звонка составил объяснение от руки. В первой части написал про частную сделку, уход со смены, звонок Зое после полуночи и возвращение почти через три часа. Не написал, что Кирилл спал спокойно: он не знал, спал ли тот. Не написал, что Зоя была рядом: когда он уходил, она ещё не соглашалась присматривать. Во второй части указал время утреннего разговора, внешний вид телефона, услышанные фразы и условие Татьяны. Вместо «шантажировала» написал её слова настолько близко, насколько помнил.

Затем он позвонил Зое.

— Инспектор примет меня в два. Может прийти домой и поговорить с Кириллом.

— Я буду здесь.

— Вы помните тот звонок?

— Конечно.

— Татьяна включила запись. Там я говорю, что вернусь через час.

— Ты звонил мне не из диспетчерской.

Илья перестал писать.

— Почему вы уверены?

— Потому что сначала я не взяла. Номер был городской, но не тот, который у меня подписан как ваша работа. Ты перезвонил через минуту, и тогда высветилась диспетчерская.

— На записи какой разговор?

— Откуда мне знать?

— Вы сказали: «Ты где?» Потом спросили, один ли Кирилл. Я ответил, что он спит.

Зоя молчала несколько секунд.

— Это второй разговор. Первый был короткий. Я услышала твой голос, спросила «алло», связь оборвалась. Потом ты перезвонил с работы.

— Сколько между ними прошло?

— Минута, две. Старый телефон может показать журнал, если я его не чистила.

— Не ищите сейчас. И не присылайте мне ничего. Просто не выбрасывайте телефон.

— Уже командуешь.

— Прошу. Если найдёте, сфотографируйте весь экран так, чтобы были соседние звонки и дата. Лучше при Кирилле или ещё ком-нибудь.

— Сначала школа. Потом твои сыщики.

Она отключилась.

Илья перечитал объяснение. Татьяна могла получить запись из системы, как сказала. Но если перед служебным звонком был другой, источник фрагмента всё равно оставался понятным: общий номер. Пока это не меняло главного. Она сохранила файл, который не числился ни в одном деле, и достала его только тогда, когда он спросил о ключах.

В половине двенадцатого ему пришло сообщение от Татьяны: «График без изменений. Сегодня 21:30. По служебным вопросам общение письменно».

Следом пришло второе: «Надеюсь, ты не совершаешь поспешных действий».

Илья сделал снимки обоих сообщений с часами компьютера в кадре, затем ответил: «В 14:00 уточняю сведения в опеке. На смену выйду по графику. Прошу зарегистрировать запрос: на каком основании аудиофайл исходящего разговора годичной давности хранится на резервном телефоне и каков его инвентарный номер».

Ответа не было двадцать минут. Потом экран вспыхнул.

«Телефон и файл принадлежат службе. Запрос передай через канцелярию».

Не угроза. Не отрицание. Проверяемое утверждение.

Илья распечатал переписку в копировальном центре по дороге в опеку. Один экземпляр положил к объяснению, второй запечатал в конверт и оставил у Зои. Себе сохранил только фотографии и номер квитанции. Он больше не хотел иметь единственный экземпляр чего-либо, от чего зависело чужое решение.

У входа в районную администрацию он остановился. В стеклянной двери отражался мужчина после ночной смены: щетина, помятая куртка, красные глаза. Татьяне не требовалось подделывать эту часть. Он действительно выглядел как человек, которому нельзя без вопросов доверить ребёнка и связку запасных ключей.

Но вопросы должны были быть не только к нему.

Илья вошёл внутрь и взял талон. На маленьком экране загорелся номер. Впервые за двое суток он ждал не звонка, который мог исчезнуть, а своей очереди, отмеченной в системе и на бумаге.

## Глава 8. Ключи под plombой

К половине десятого вечера бумага на дверце шкафа была цела.

Илья заметил её ещё из коридора: белая полоска пересекала щель между серой дверцей и боковой стенкой, на ней стояли три синие подписи. Вчера они заклеили только пакет с ключами от Речной. Теперь опечатан был весь шкаф. Под бумагой проступала старая краска, исцарапанная кольцами и металлическими брелоками.

Охранник Савельев сидел за стойкой и заполнял журнал. У его локтя лежал прозрачный пакет с мотком тонкого шнура, сургучом и круглой печатью, которой в диспетчерской обычно пользовались лишь после пожара или служебной проверки.

— Уже похоронили? — спросил Илья, показывая на шкаф.

— Приказ начальства. С девятнадцати часов выдача только при мне, — ответил Савельев. — Пришёл дневной риелтор, хотел ключ от общежития, пришлось ждать, пока я из обхода вернусь. Сказал, что ваша идея.

— Не моя. Я просил пересчитать.

— А получили похороны.

Илья снял куртку, повесил её в шкафчик и расписался за смену. Татьяны в общей комнате не было. За стеклом операторы принимали вечерние вызовы: засорившийся стояк, заклинивший замок, семья с маленьким ребёнком после короткого замыкания. Серый аппарат молчал. Его провод уходил под стол и терялся среди других кабелей.

Лена передала Илье три карточки. Она говорила о семьях, но смотрела на бумажную полосу.

— Власова с шести здесь, — сказала она. — Сначала созвала комиссию, потом сама ушла наверх к директору. Велела не открывать без неё.

— Кто был в комиссии?

— Савельев, Роман, кладовщица Нина и она. Всё пересчитали. Я не подходила.

— Результат?

— Двести восемьдесят четыре пакета, четыреста одиннадцать ключей. Так в акте.

Илья знал, что по старой описи пакетов должно быть двести восемьдесят три. Он открыл рабочую папку, нашёл вчерашнюю копию и сверил число. Двести восемьдесят три. Четыреста девять ключей. За день приняли пакет от квартиры на Кленовой: два ключа на одном кольце. Числа сходились.

— Что именно опечатали? — спросил он.

— Весь шкаф после пересчёта. А внутри каждый вскрытый пакет заклеили новой полосой.

— Фотографировали?

Лена кивнула на Савельева.

— Он снимал. Власова тоже. Потом унесла акт на подпись.

Илья подошёл к охраннику.

— Сергей Павлович, покажете фотографии пересчёта?

Савельев поднял глаза от журнала.

— Зачем?

— Хочу понять, что сдал дневной риелтор. У меня ночью может быть выдача.

— Получишь ключ — увидишь.

— На снимках есть время и состояние пакетов. Если ночью что-нибудь не сойдётся, ваши снимки защитят и вас.

Охранник прикрыл журнал ладонью, хотя Илья в него не заглядывал.

— Меня защищает акт.

— Акт у Татьяны Андреевны.

— Вернётся — даст копию.

Илья не стал настаивать. После разговора в опеке он особенно ясно слышал, как просьба превращается в давление, если повторить её трижды. Марина Евгеньевна приняла его объяснение, поставила входящий номер и сказала, что завтра поговорит с Кириллом в школе. До проверки мальчик мог оставаться дома при условии, что Илья письменно сообщит, кто находится с ним во время ночных смен. Илья указал Зою и приложил её согласие. Никакого решения об опеке пока не было. Не было и прощения Кирилла.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.